

БЮК.

E29—
289

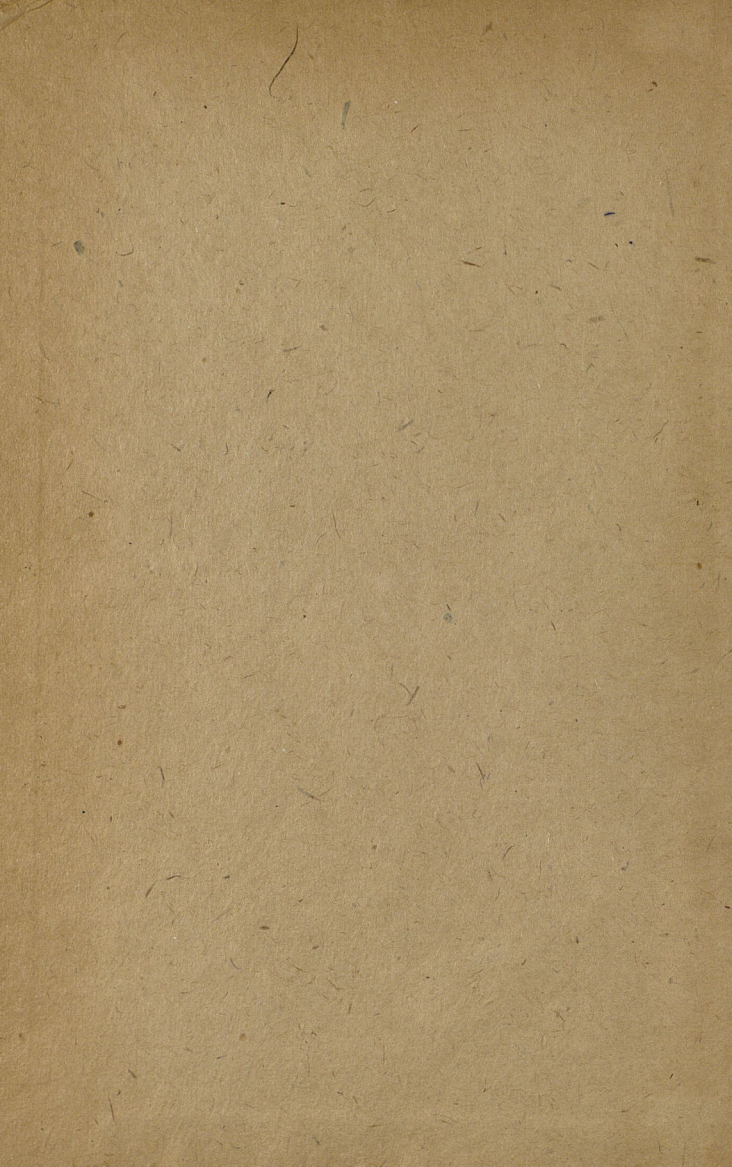
ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
в Костромской губернии.

Выпуск 1-й.

Рабочее движение в крепостную эпоху
во второй половине XIX столетия
(до 1896 г.).

Издание автора.

КОСТРО
1926.







Ап
45
295

ЕВГ. ДЮБЮК.

331 (47)

E29
289

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ в Костромской губернии.

Выпуск 1-й.

Рабочее движение в крепостную эпоху
и во второй половине XIX столетия
(до 1896 г.).

Издание автора.

К.В.
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССИИ
ИНВ. №. 55557/8



Первая Губтипография
„Красный Печатник“
КОСТРОМА
ул. Свердлова, 2.
Гублит № 50.
Тираж 600.
Заказ 213.

Положение рабочего класса в крепостную эпоху *).

Фабрично-заводская промышленность в Костромской губернии во второй половине XVIII и начале XIX столетия.—Состав рабочих.—Положение рабочих.—Побеги рабочих с фабрик.—Отравление дворовой женкой семьи фабриканта Угличанинова.—Отыскивание крепостными рабочими свободы.—Дело фабричного Яковлева.—Волнения среди фабричных крестьян Угличанинова в конце XVIII в.—Брожение среди Угличаниновских ткачей в 1818 г.

Фабрично-заводская промышленность в Костромской губ. во второй половине XVIII и начале XIX ст. Образование в Костромской губ. рабочего класса связано с развитием фабрично-заводской промышленности, возникающей в середине XVIII в. Одной из главных отраслей ее, сильно выросшей в течение второй половины этого века, явилась полотняная промышленность, в форме мануфактуры, работающей на широкий заграничный рынок. Главным средоточием ее были города: Кострома, Нерехта, Кинешма, Плес, реже сельские местности (сельцо Апахиха под Костромой, где была фабрика графа Воронцова, село Писцово в Нерехтском уезде). Основателями полотняных фабрик в большинстве случаев были городские купцы. Первая полотняная фабрика в Костроме, купца Угличанинова, была заведена в 1751 году; следом за ней возникают одна за другой и другие полотняные фабрики, как в Костроме, так и в названных выше местностях. В общем, к началу XIX в., в Костромской губ. учреждено было около 35 полотняных фабрик. В частности в 1800—1801 г.г. имелось полотняных фабрик: в Костроме 14, Кинешме 4, Плесе 3, Нерехте 1. В с. Писцове Нерехтского у. в этот же период насчитывалось до 10 фабричек, занимавшихся ткачеством пестрядок и фламского полотна.

Для своего времени полотняные фабрики были значительных размеров. На упомянутой выше фабрике Угличанинова в период ее расцвета было 500 ткацких станков. В 1767 г. во время своего путешествия по Волге граф Влад. Григ. Орлов занес в свой „Дневник“ сведения об осмотренных им полотняных фабриках; между прочим им были отмечены фабрики: в Костроме—в 420, 350 и 100 станов, в 2 верстах от города фабрика графа Воронцова в 150 станов и фабрика в Нерехте с более, чем 100 станками. Таким образом на 5 фабриках было всего 1120 станов **). В 1809 г. в Костромской губ. на 24 полотняных фабриках с 4341 станком вырабатывалось 4613 тысяч аршин фламского полотна и равендука.

*) Фактический материал для настоящей главы, кроме случаев, оговоренных в примечаниях, взят из нашей статьи: „Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX в.“ (Труды Костромского Научного Общества, вып. 23-й).

**) Мих. Цвинбак. Некоторые данные о фабриках в 1767 г. Архив истории труда в России—1922 г. кн. 3. стр. 135—136.

Было значительным также и число рабочих на фабриках. В 1804 году на 13 полотняных фабриках одной Костромы работало до 3080 чел. *)—цифра, свидетельствующая о довольно большой концентрации рабочего класса на костромских фабриках в начале 19 века.

Полотняное производство было самым крупным производством Костромской губ., но не единственным. Имелись и другие производства. Из „Описания Костромского наместничества“, составленного в 1792 г., видно, что в конце XVIII в. в Костромской губ. существовали, помимо 22 полотняных фабрик, еще 1 писчебумажная и 2 суконных фабрики и 73 завода, в том числе 16 кожевенных, 26 солодовенных, 5 винных, 2 стеклянных, 3 гончарных, 1 колокольный, 3 красочных „для дела лазори“, 4 салотепенных, 2 клейных, 1 серный, 1 сырейный и 9 масляных. Однако в большинстве своем перечисленные заводы были мелкими. В 1804 г. в Костроме на 50 заводах работал в общей сложности 361 рабочий **), или на один завод в среднем приходилось 7 рабочих.

Состав рабочих. Состав рабочих на фабриках и заводах был пестрый. Часть рабочих, на дворянских фабриках, были крепостными (напр., на фабрике Воронцова в Апалихах ***). Наряду с крепостными дворянскими фабриками имелись также и посессионные купеческие фабрики (напр., Стригальных, Ашастина и Углечанинова в Костроме, Грязнова и Таланова в Кинешме), контингент рабочих которых состоял из прикупленных или приписанных к ним мастеровых и крестьян. Не все однако рабочие посессионных фабрик были приписными или купленными; помимо них находились еще вольнонаемные рабочие. Независимо от этого были фабрики и заводы, на которых работа велась исключительно наемным трудом. Более того: можно установить, что уже в конце XVIII в. на полотняных фабриках Костромской губ. вольные рабочие преобладали. Рабочие на фабриках в общем итоге исчислялись тысячами (в одной Костроме их было, как мы видели выше, до 3500 человек), тогда как крепостных и посессионных рабочих было всего лишь несколько сотен ****).

Большая часть посессионных рабочих на Костромских фабриках была приобретена покупкой и приписана, вероятно, еще до 1762 года, когда „купецкие люди“, игравшие видную роль в организации полотняной промышленности, имели право покупать к своим фабрикам крестьян, хотя уже сенатским указом 1752 г. это право подверглось ограничению: больше 12 душ мужского пола нельзя было покупать „ко всякому стану“. 8 августа 1762 г. был издан указ, который категорически запрещал заводчикам и фабрикантам покупать к фабрикам и заводам деревни с землями и без земель и предписывал „довольствоваться им вольными наемными по пашпортам за договорную плату людьми“. Однако и после этого указа некоторое число рабочих удалось костромским фабрикантам закрепить. В одном сенатском указе (1786 г.), относящемся к Костромской губ., приводятся

*) „г. Кострома по описаниям г. Щекатова“. Костр. губ. вед. 1854 г. № 28.

**) Там-же, №№ 27 и 28.

***) При полотняной фабрике Воронцова „на господской работе“ было 213 душ крестьян. А. Погосев. Вотчинные фабрики и их фабричные. Вестник Европы, 1889 г. № 7, стр. 12.

****) В 1785 г. значилось за фабрикантами приписных и прикупленных крестьян в Костромской округе 74 души, в Кинешемской—500 и Кадьевской 96, итого 670 душ.

сведения о 27 рабочих, принадлежавших фабрикантам. Из них по купчим досталось фабрикантам 11 душ, по выписям—14 и после родилось—2.

Доставшиеся по выписям по происхождению распределялись так: 6 бывших церковников, 2 отрешенных от помещиков, 3 вольноотпущенных *), 1 посадский человек, 1 экономический крестьянин и 1 принятый на воспитание человеком фабриканта незаконнорожденный **). Таким образом, помещичьи и экономические крестьяне, бывшие церковники, вольноотпущенные и посадские люди—вот откуда рекрутировались зависимые фабричные люди. Вообще состав этой группы был пестрый. У фабриканта Козмы Угличанинова в числе его людей значился между прочим новокрещенный татарин ***).

Преобладали среди зависимых фабричных крестьяне. В 1773 г. к фабрике Таланова в Кинешме, в счет разрешенных еще в 1758 г. к покупке „на праве фабрикантском“ 100 душ крестьян, было куплено 49. На фабрике Бориса Стригалева в 1801 г. употреблялись на работу покупные у разных помещиков крестьяне—мужского полу 39 и женского 32.

Вольные рабочие на фабриках вербовались частью из городских жителей (мещан, слобожан, разночинцев), частью из окрестного крестьянства, причем в числе последних было не мало помещичьих крестьян, отпускавшихся по шефам из оброка в город на заработки. Были среди вольнонаемных рабочих на фабриках и экономические крестьяне ****). При общем недостатке вольных рабочих не брезгали фабриканты, вероятно, и беспаспортными рабочими *****). Главную массу рабочих составляли мужчины, но наряду с ними встречаем также и женщин. Например, на фабрике Стригалева в Костроме в конце 60-х г.г. 18 ст. работало вольных рабочих: 206 мужчин и 29 женщин. Женский труд применялся, главным образом, в приготовительных операциях (напр., при мытье и размотке пряжи).

Положение рабочих. Положение рабочих на фабриках в конце XVIII и первой половине XIX в. было тяжелым. В частности рабочий день отличался чрезмерной длиной. Напр., по сведениям, собранным мануфактур-коллегией в 1803 г., на фабрике Стригалева в Костроме работали „по мере необходимости иногда в день часов утренних от 4-го и 5-го и пополудни не далее 10-го“. Даже допуская, что рабочим среди рабочего дня давался 2-х часовой отдых, все же имеем 16 ча-

*) В отношении бывших церковников и вольноотпущенных указано, что они приспаны по их желаниям.—Бывших церковников или, как их еще именовали, разных церквей недействительных причетников, в числе приспанных рабочих, видимо, было не мало. Сохранился ряд сведений об их приписке. Так, 28 августа 1762 г. в Костромскую провинциальную канцелярию поступило челобитье костромского полотняного фабриканта Алексея Ашастина о даче ему владенной выписи на отданных ему „по желанию“ на его фабрику из платежа за них государственных податей церковников: Яким Афанасьева, Ивана Дмитриева, Власа Семенова и Матвея Семенова с их семействами; 19 ноября 1762 г. в ту же канцелярию подана была челобитная костромского же фабриканта Козмы Угличанинова о приписке к его фабрике с дачей на них владенных выписей церковников Ивана Петрова, Петра Иванова и Михаила Яковлева; 3 мая 1763 г. в ту же канцелярию поступила промемория костромской духовной консистории о приписке в подушный оклад за содержателя полотняной фабрики Алексея Ашастина церкви Благовещения пресв. б-цы церковников Петра и Никифора Ивановых (Генер. опись делам Костр. провинц. канц. 1746—1770 г.г.).

***) О приписном рабочем из числа незаконнорожденных упоминается также в „Описи делам Костромского магистрата, часть 2-я“, где под № 4812 от 26 мая значится дело „по указу наместнического правления о приписке фабриканта Василия Стригалева к фабрике незаконнорожденного Андрея Андреева“.

****) Об отобрании сведений об этом татарине, Коае Алексее, выведенном Угличаниновым, 16 июля 1781 г. поступил в Костромской городской магистрат указ наместнического правления (Цитир. выше опись магистратских дел).

*****) Некоторые указания на происхождение рабочих встречается между прочим в заголовках архивных дел. Из них видно, напр., в 1780 г. на костромской фабрике Бориса Стригалева работала мещанин Илья Тврунин (Опись делам Костромского городского магистрата, часть 2-я); в 1765 г. на фабрике Федора Ашастина в Костроме работала крестьянская жена экономической вотчины села Костенева Костромского уезда Дарья Андреева (Генер. опись Костр. провинц. канц. 1746—1770 г.г.)

*****) В начале февраля 1764 г. в Кострому в провинциальную канцелярию был прислан Нерехтским магистратом „для указного следствия“ взятый на полотняной фабрике „незнаемый человек без паспорта“ (Та же генер. опись).

совый рабочий труд. На фабрике Ашастина работали с утра до 10 час. вечера, на фабрике Таланова (в Кинешме) 14 часов, и только на фабрике Грязнова (в Кинешме же) рабочий день продолжался 10 часов.

Работа в большинстве случаев производилась на сдельных началах (размотка пряжи для основ, ткачество); на выварке пряжи и при лощении полотен получали плату понедельно. По показаниям фабрикантов (в 1803 г.) недельный заработок повременных рабочих при выварке пряжи колебался от 1 р. 20 к. до 1 р. 80 к., при лощении полотен равнялся 1 р. 20 к., на размотке белой пряжи для основ составлял 80 к.—1 р. и на мытье пряжи 90 к.; в общем итоге на повременных работах заработок колебался от 80 к. до 1 р. 80 к. в неделю, составляя в среднем 1 р. 30 к.—или 5 р. 20 к. в месяц. В переводе на ржаную муку (по московским ценам) реальный заработок выражался $8\frac{1}{2}$ пудами. Зарботки малолетних рабочих, а труд их применялся, например, на полотняных фабриках, были еще меньше. По сведениям мануфактур-коллегии 1803 г., мальчики—цевошники на фабрике Углечанинова в Костроме вознаграждались 50 коп. в неделю. На полотняной фабрике того же владельца в Ярославле шпульники и подавальщики в возрасте от 9 до 12 лет получали еще меньше, от 25 до 40 к. в неделю. *)

Посессионные рабочие на фабриках Стригальных и на кожевенном заводе Кожевникова в Костроме находились на полном иждивении фабрикантов. Сведения эти относятся к концу XVIII—началу XIX ст. Точно также крепостные рабочие Апалихинской фабрики получали паек (месячину) от владельца. К сожалению, размер и состав пайка, получавшегося стригалевскими и апалихинскими рабочими, неизвестен.

До известной степени о положении рабочих на полотняных фабриках можно судить также по так называемым „Работным регулам мастеровым и работным людям“ известного „Регламента суконным и каразейным фабрикам“, изданного в 1741 г. и применявшегося еще в 1818 г. на одной из самых крупных костромских фабрик—на фабрике Углечанинова.

Напомним вкратце эти регулы. Рабочий день устанавливался регулами в 14 часов ежедневно и в 7 час. по субботам, что составляет 77 часов в неделю. Начинаясь рабочий день с 4 час. утра; работали до 9 час. утра, в десятом часу шли обедать, снова приходили на фабрику в 12 часу и работали до 8 час. вечера. Так шла работа с 1 марта по 1 октября. Зимой обеденный перерыв полагался вместо 2 часов продолжительностью в 1 час, а вечером работа кончалась на час раньше. По субботам шабашили в 11 часов дня. Перед началом работ и по их окончании звонил фабричный колокол. За опоздание на работу полагалось: в первый раз—сильный выговор, в следующие разы—вычет из заслужаемой платы. За прогулы „без законной причины“ в третий раз предписывалось бить батожем, чтобы, как говорилось в регулах, „никому без нужды от вседневной фабричной работы не отбывать“. То же наказание батожем следовало и за порчу товара в третий раз.

Суровые кары грозили рабочим за непослушание. „Кто из надзирателей, мастеровых и работных людей—читаем в пункте 8-м регул—фабричному содержа-

*) А. Погожев. Вотчинные фабрики и их фабричные. В. Евр. 1889. № 7, стр. 29.

телю или другим на фабрике начальникам своим, которым почтение и послушание показывать весьма должны, непослушен или противен явится и грубыми ругательными словами, дерзостью их касаться будет, того за такие преступления и по пропорции оных наказать: в первый раз плетми, в другой раз—батожем с платежем или вычетом заслуженной платы на 3 месяца; в третий раз ссылкой на один год в каторжную работу; а ежели кто дерзнет вышеупомянутых людей ругать или побоями оскорбить, того бить кнутом и, по обстоятельствам дела, осудить в каторжную работу на несколько годов или вечно“.

Не нужно думать, что эти угрозы телесным наказанием—батожем и плетми—оставались лишь на бумаге. Скорее можно думать, что применялись они с жестокостью, приводившей иной раз наказываемого к смерти. 3 июня 1764 г., напр., в Костромскую провинциальную канцелярию поступило доношение костромского полотняного фабриканта Алексея Ашастина о том, что приписной к фабрике его дворовый человек Лев Федоров „быв наказан, вскоре умре“. *)

Заработная плата, по регулам, выдавалась по субботам, но с удержанием четвертой части ее, а ежемесячно производился полный расчет, причем при расчетах указывалось „штрафные наказания без всякого послабления в действо производить“.

Правила эти регулировали и частную жизнь рабочих. Так, рабочим запрещалось играть „в какую-либо игру на деньги“—„наименше же на публичной улице в непристойном злочинстве пьянства являться под опасением неотменного за то штрафа“. Мастерские и работные люди должны были не допускать, чтобы жены их и дочери „дома праздно пребывали или гуляли, но паче их... на фабриках такой работе обучать, какую исправлять могут“. Если же этого нельзя было устроить, то фабричные содержатели должны были давать им работу на дом, ибо „таким двойным рачением они знатно в лучшее состояние придут и больше домашнего благословения ожидать имеют“. За препятствование же таким работам их жен и детей мастеровых ожидали штрафы.

14-часовой рабочий день и суровая дисциплина, поддержанная денежными штрафами, а особенно плетми, батожем, кнутом и каторжными работами—вот в каких штрихах рисуется рабочая жизнь по регулам, применявшимся на Углецаниновской и, вероятно, также и на других полотняных фабриках Костромского края, причем этот суровый режим тяготел не только над так назыв. посессионными рабочими, но и над вольными рабочими, работавшими рядом с подневольными рабочими.

Побеги рабочих с фабрик. Тяжелые условия фабричной работы и жизни ее беспросветность деградировали тогдашних рабочих, толкали их на путь хищений фабричных материалов, к пьянству и разгулу, превращая их, с точки зрения фабрикантов, в „отпетых“ людей, от которых те порою не знали, как избавиться. 27 сентября 1816 г. один из кинешемских полотняных фабрикантов, Сергей Грязнов, жаловался костромскому губернатору, что его фабричные люди, купленные к фабрике в разные времена (числилось их в то время 11 душ), „оказывают всегдашнее ему неповиновение и, ведя невоздержную жизнь, делают беспрестан-

*) Гепер, опись делам Костр. провинц. канцелярии 1746—1770.

ные утраты материалов, не радеют о своих должностях и вообще останавливают действие фабрики“. Чтобы „избегнуть крайнего расстройтва и содержать фабрику в надлежащем порядке“, Грязнов просил губернатора исходатайствовать ему разрешение на продажу из числа его 11 рабочих трех „самых невоздержнейших“, а на их место принять такое же число людей „поведения хорошего и способных к фабричным работам“. Губернатор распорядился расследовать жалобу. Расследование выяснило, что еще 15 октября 1812 г. Грязнов подавал городничему объявление о том, что крестьянин его Епифан Козмин „обращается в пьянстве, делает разные неблагопристойности и уклоняется от должной на фабрике работы“, и просил об отдаче Козмина на два месяца в Кострому на казенную суконную фабрику. Козмин был отправлен на эту фабрику и по истечении двухмесячного срока возвращен фабриканту, который и после этого неоднократно приносил словесные жалобы „на невоздержное житье и разные беспорядки как того Козмина, равно и прочих некоторых его крестьян, при фабрике находящихся“. По жалобам Грязнова люди его „забираемы несколько раз и воздерживаемы были на с'езжей и даже по воле владельца соразмерно их вине наказываемы и употребляемы были в городовую работу“, но это их не исправило, а 3 мая 1816 трое из них: Аника и Епифан Козмины и Платон Степанов с фабрики бежали, учиня сносу разного имущества на 4 р. 60 к. Сверх того Грязнов подозревал их же в краже у него из фабричной поварни пряжи ценою на 50 р.

Двое из бежавших: Епифан Козмин—17 мая и Платон Степанов—23 мая были пойманы, а снесенное ими имущество найдено заложенным в питейном доме. В снос его они „добровольно“ сознались и Костромской уголовной палатой были присуждены к выдержанию в смирительном доме на 3 месяца.

Губернатор поддержал просьбу Грязнова о разрешении ему продать фабричных крестьян „Хотя—писал он—к исправлению и воздержанию их и приемлемы были владельцем все средства, законами предписанные, но за всем тем они нимало в поведении своем не исправились, почему и на предбудущее время невозможно иметь надежды, что люди сии, столь долговременно пребывающие в пороках, могли без особенных каких-либо средств обратиться к жизни трезвой и на честных правилах основанной“.

Помимо приведенного известен ряд побегов крепостных или приписных рабочих с фабрик.

Так, были представлены в Костромскую провинциальную канцелярию для допроса, где они в бегах жительство имели, и для учинения с ними по указам: 1) 9 марта 1758 г. мастеровой Опалишенской фабрики графа Романа Ларионовича Воронцова Евстифей Якимов, 2) 19 мая 1761 г. человек костромской полотняной фабрики Ивана Углечанинова, 3) 4 августа 1761 г. крестьянин того же фабриканта села Семеновского Михаил Тимофеев и 4) 7 октября 1762 г. приписной к костромской полотняной фабрике Федора Ашастина церковник Яким Афанасьев *). 3 декабря 1784 г. в Костромской городской магистрат был прислан Костромским уездным судом для отдачи хозяину—костромскому фабриканту

*) Генерал. опись 1746—1770 г.г.

Василью Ашастину беглый его крестьянин Петр Иванов *). В 1786 г. из числа приписанных к костромской фабрике того же Василья Ашастина крестьян сельца Прудыше с деревней бежал дворовый человек Николай Степанов (27 лет от роду). 3 февраля 1788 г. в Костромской городской магистрат поступило сообщение Саратовского магистрата о том, что Степанов оказался в Саратове **). Затем Степанов очутился в Астраханской губ. и там был причислен, на основании указа 15 августа 1801 г., в казенное ведомство. В 1787 г. бежал с фабрики Угличанинова приписанный к ней крестьянин Яковлев; находясь в побеге, шатался по разным местам, пока наконец не был пойман без паспорта в Рязани. 27 августа 1788 г. в Костромской городской магистрат поступил указ наместнического правления об отобрании от наследников купца Федора Ашастина сведения, когда бежал воспитанный Ашастиним вышедший из Польши Антон Федоров ***).

Побеги приписных рабочих с фабрик (число их с разработкой архивных материалов, несомненно, умножится) свидетельствуют о стремлении фабричных избыть фабричную кабалу и выйти на свободу.

Отравление дворовой женкой семьи фабриканта Угличанинова. Наличие глубоких антагонизмов между, с одной стороны, богатыми „привилегированными“ фабрикантами и закабаленными юридически и придавленными экономически фабричными, с другой, находит свое отражение и в отдельных случаях покушения приписных людей на жизнь своих владельцев. Ниже мы приводим один из таких случаев, может быть, не совсем ясный по своим мотивам, но, несомненно, скрывающий в своей недосказанности большую человеческую драму. В 1761 г. в Костроме в тюрьме содержались колодники: дворовая женка костромского купца и полотняной фабрики основателя Дм. Ив. Угличанинова—Анна Яковлева и жившая в Костроме у купца Андрея Масленикова девка дворцового села Даниловского—Наталья Афанасьева. Обе они „в распросех винились: женка в отраве травами и кореньями оного Угличенинова жены, також братьей ево и жен и детей, а девка в даче оной женке для той отравы трав и коренья, отчего те отравленные претерпевают великие болезни, а малолетний оного Угличанинова сын Дмитрий умре, в чем они, женка Анна и девка Наталья, с трех пыток утвердились“. По указу Московской губернской канцелярии от 10 апреля 1761 г., откуда мы только что сделали выдержку, было определено за это женке Анне и девке Наталье „учинить наихудшее наказание: кнутом дать по 50 ударов и, по учинении того наказания, для ссылки в Сибирь с надлежащими кормовыми и прогонными деньгами отправить в сыскной приказ“ ****).

Отыскивание крепостными рабочими свободы легальными способами. Нередко приписанные к фабрикам рабочие пытались достичь свободы помощью легальных средств, опираясь на законы и указы. Несомненную поддержку фабричным в этом отношении оказал указ сената по Костромскому наместничеству от 13 марта 1786 г., по которому за купечеством оставлялись при фабриках и заводах только те мастеровые и работные люди, которые были куплены или по

*) Опись делам, хранящимся в архиве Костромского городского магистрата, часть 2-я, с 1780 по 1801 год.

**) Там же.

***) Там же.

****) Указы Костр. провинц. канцелярии 1761 г.

выписям присутственных мест отданы до именного указа 8 марта 1762 г.; мастеровые же и рабочие, купленные и приписанные после этого указа, подлежали отобранию от фабрикантов и перечислению в казенное ведомство. Благодаря этому указу, ряду рабочих, приписанных к фабрикам после 1762 г., удалось добиться освобождения. Так, напр., был освобожден находившийся при фабрике купца Угличанинова церковнический сын Бердников, отданный ему по выписи от Костромской провинциальной канцелярии в 1763 г., т. е. после указа 1762 г. В марте 1795 г. в Костромском уездном суде разбиралось дело приписного к фабрике купца Василия Ашастина рабочего из церковников Дмитрия Васильева, просившего вольности, вероятно, по тем же мотивам, что и Бердников. Суд постановил об исключении его из фабрики *). 25 мая 1793 г. тот же уездный суд затребовал через городской магистрат объяснения от купца Дм. Солодовникова „о бытии у него в услужении“ приписного из церковников Антона Григорьева **).

Вообще стремление крепостных фабричных выйти на свободу можно иллюстрировать рядом данных. Если не удавалось при этом опереться на указ 1786 г., старались найти другое легальное основание. Мы упоминали уже о крестьянине Николае Степанове, бежавшем от фабриканта Ашастина в Астраханскую губ. Ему удалось воспользоваться указом 19 июля 1797 г., повелевавшим оставить на месте зашедших в Астраханскую губ. помещичьих крестьян, снабдив их при этом землей и зачтя помещикам их за рекрут. Опираясь на этот указ, Степанов не только сам причислился в казенное ведомство, но и вытребовал к себе жену, оставшуюся при полотняной фабрике. Он добивался также освобождения от фабрики и своих детей, в чем его настойчиво поддерживало Астраханское губернское правление. Но фабрикант, понятно, хлопотал об оставлении за ним детей Степанова, „дабы отобрание их от меня—писал он—не послужило отцам других семейств случаем к побегу, в чаянии себе и детям их доставить свободу“.

В 30-х годах 19 столетия в Костромском губернском правлении разбирались дело крестьянина Василия Горшечникова, домогавшегося освобождения из владения Угличаниновой. Горшечников доказывал свою непринадлежность фабрикантам происхождением из купецкого сословия и тем еще, что купчиха Угличанинова не имеет на него с семейством никакого акта. Но Угличанинова представила указ Костромской провинциальной канцелярии от 11 июня 1761 г., из которого видно, что отец Горшечникова „всегдашнее проживание“ имел на Угличаниновской фабрике, затем был отдан в рекруты, но потом заменен другим рекрутом и оставлен с женою в вечном и потомственном владении купцов Угличаниновых. Горшечникову в свободе было отказано: губернское правление определило, что Горшечников и его семейство должны неотъемлемо принадлежать Угличаниновой. После этого Горшечников обращался к министру юстиции, но результаты этого обращения неизвестны.

Дело фабричного Яковлева. Поучительна история одного из фабричных, Яковлева, в поисках свободы доходившего до сената. Крестьянин экономической вотчины села Святого под Костромой из деревни Стрельниково, Григорий Яковлев в 1773 г. был представлен от вотчины в рекрутский набор, но так как, бу-

*) Опись делам Костр. город. магистрата, ч. 2-я.

**) Там же опись.

дучи издавна мастером при фабрике Угличанинова, он положенного по обязательству срока еще не выжил, то фабрикант просил Яковлева от отдачи в рекруты уволить, причислив его к фабрике, а вместо Яковлева за ту вотчину представил одного из своих крепостных, Петрова. Петров был в рекруты принят, а Яковлева „по собственному его желанию“ отдали во владение Угличанинова.

При фабрике Угличанинова Яковлев жил по 1787 г., а в марте этого года бежал. Когда затем его поймали, он показал себя костромским мещанином. За побег его судили, и Костромской городской магистрат вынес решение об укреплении его за Угличаниновым. На это „неправое“ решение Яковлев подал апелляцию и от фабриканта, видимо, скрывался. Фабрикант сделал попытку захватить Яковлева силой. В июне 1791 г., когда Яковлев был за всенощной в приходской церкви Ильи пророка, в церковь вошли угличаниновские фабричные крестьяне „во многолюдстве неблагопристойным образом“ и „сильно“ тащили его из церкви, т. е., очевидно, по подговору Угличанинова пытались насильно увести Яковлева на фабрику, но Яковлев не дался.

Губернский магистрат, слушавший дело Яковлева по апелляции в декабре 1792 г., решение городского магистрата отменил, найдя, что Угличанинов, как получивший владенную выпись на Яковлева после 1762 г., не имел права владеть Яковлевым, и предписал причислить его в казенное ведомство в экономические крестьяне с Святого.

Яковлев, добивавшийся не обращения в казенное ведомство, а свободного выбора „рода жизни“, обжаловал последнее решение. Костромская гражданская палата, куда теперь это дело перешло, в апреле 1794 г. решила дело в пользу Угличанинова, постановив Яковлева за побег и перемену звания и „за отбывательство своего владения“ отослать „для поступления с ним по силе законов“ в Костромское губернское правление, которое должно было передать его Угличанинову. Угличанинов однако не пожелал принять Яковлева и просил о ссылке его в Нерчинские заводы. И на это определение Яковлев приносит жалобу — правящему должность Владимирского и Костромского генерал-губернатора. Последний представил в сенат рапорт, в котором высказался в пользу отобрания Яковлева от фабрики, как незаконно к ней приписанного. Сенат согласился с мнением генерал-губернатора и в июле 1799 г. решил дело в пользу Яковлева, может-быть, потому, что здесь интерес казенный столкнулся с интересом частным; но решение это для Яковлева оказалось запоздалым: еще в январе 1798 года он умер в П.-Бурге в градской больнице.

Описанный путь легальной борьбы фабричных одиночек за свое освобождение из-под власти фабрики, отыскивание свободы хождением по судам, надо думать, был недешевым: для ведения судебных дел, с неизбежных переносом их в высшие инстанции, вплоть до сената, нужны были не только большая настойчивость и знание юридических тонкостей, законов и порядка судопроизводства, но также, несомненно, и немалые деньги, для „удовольствования“ приказных и оплаты стряпчих. Путь этот, по указанным обстоятельствам, если и был доступен, то лишь немногим фабричным, вернее всего, лишь фабричным верхам, тем из них, которым удалось подняться над массой, выдвинувшись из рядов ее в

фабричные конторщики, иногда еще выше, в управляющие фабриками. Таковыми были, например, фабричные люди купца Петра Угличанинова—Старцовы, ведшие в сенате дело о своем освобождении и употреблявшиеся фабрикантом „по замеченным в них способностям“: Степан—при ПБургской бирже для продажи фабричных изделий и по закупке для фабрики материалов, Николай—по делам Ярославской фабрики, а Иван и Егор—по конторе *). Выше мы упоминали о бывшем церковнике Якове Бердникове, которому удалось (в январе 1790 г.) добиться освобождения от фабриканта Угличанинова. Освободившись, Бердников записывается в купцы. Факт этот дает основание к предположению, что и Бердников был человек „капитальный“, принадлежавший, как и Старцовы, к верхушке фабричного рабочего класса **).

Волнения среди фабричных крестьян Угличанинова в конце XVIII в. Наряду с попытками отдельных рабочих выбиться из фабричной кабалы путем побегов и хождений по судам должны были происходить на фабриках и массовые движения рабочих на почве недовольства фабричными порядками. Фабричная история XVIII в. других районов знает подобные случаи. В соседнем Ярославле ряд рабочих волнений в течение XVIII и первой половины XIX в.в. происходил на известной Большой Ярославской мануфактуре Затрапезновых. Еще в 1740 г., как это видно из реестра входящим бумагам, 11 октября 1740 г. в кабинет министров поступило из Ярославля доношение советника Затрапезного о том, что „мануфактурной его фабрики мастерские и работные люди Иван Лисицын с товарищи, человек с 40, имели воровское умышление его, Затрапезного, убить и дом его и фабрику сжечь, и некоторые из них в той Ярославской провинциальной канцелярии в том и винулись“ ***). В 1772 г. рабочие этой же мануфактуры подают начальству коллективную жалобу на невыпуск их со двора и на переселение части рабочих на жительство из Толчковской слободы в Лесную и Крестовскую улицы—во время свирепствовавшей тогда в Ярославле чумы. В 1798 г. рабочие той же мануфактуры коллективно просили о прибавке платы за „заработанные штуки“. В период 1803—1806 г. на той же мануфактуре происходят волнения рабочих с связи с крайне тяжелым их экономическим положением, выливаясь в формы предъявления просьб об улучшении их положения владельцам мануфактуры, подачи жалоб губернатору и в губернское правление, наконец посылки выборов к самому царю в ПБург. В 1817 г. домогательства рабочих возобновляются и продолжают в течение целых 7 лет (по 1824 год) и т. д.

Аналогичные случаи попыток массовой борьбы имели место и в пределах Костромского края на крупных полотняных фабриках. Об одной из таких попыток имеются сведения у Трифильева ****). В 1796 или 1797 годах крестьяне вотчины купца и фабриканта Угличанинова, села Семеновского, Кинешемского уезда, по-

*) Подробно Старцовское дело изложено в нашей „Полотняной промышленности Костромского края“ (стр. 155—170).

***) Стоит отметить, что, и добившись свободы, Бердников не успокаивается. В „Описи делам Костр. город. магистрата“ под № 8144 от 10 янв. 1794 г. значится дело по указу Костр. наместнического правления о взыскании с купца Кузьмы Угличанинова купцом Яковом Бердниковым „во услужении содержания за 28 лет, простей и воложит“.

****) См. „Сб-к имп. русского историч. общества“, т. 146-й, 1915. Бумаги кабинета министров имп-цы Анны Иоанновны 1731—1740 г. стр. 541. При доношении Затрапезный представил копию с расспросных речей записного ткача Дмитрия Рудинского и просил „дабы повелеано было в Ярославской провинц. канцелярии оное дело решить в непродолжительном времени (решено)“.

*****) Е. П. Трифильев, Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков. 904, стр. 105—103. Сведения заимствованы Трифильевым из Государствен. архива (VII разряд № 2935, ч. II).

дали прошение государю. „Крестьяне в прошении жалуются на своего владельца, что он в вотчине своей делает „великое обидство и крайнее разорение“, так как берет на свою полотняную фабрику все взрослое население, оставляя дома только старых да малых. Матерей с грудными детьми требует на фабрику; заставляя оставлять детей дома. Даже беременных женщин заставляет Угличанинов работать на фабрике, и те от такой работы умирают. Поля крестьянские запустели. Наказания, которым подвергает Угличанинов виновных, и несправедливы, и жестоки. Всех, и мужчин, и женщин, и стариков, и детей бьет плетью, линьками, прутьями и всем, что только под руку попадает; или велит привести в контору виновных, разденет их до гола, даст им прутья и заставляет их друг друга бить, пока из сил выбьются; волосы на голове и бороде вырывает, сажает на цепь, прикованную к стулу, заковывает в ручные и ножные цепи... Истязания бывали так мучительны, что один крестьянин, Фома Васильев, в рогатке бросился в р. Кострому и утонул, другие убежали от господина, некоторые от наказаний поумирали. По прошлой ревизии крестьян было 373 души, а теперь осталось 343 д. Крестьяне обращались к владельцу с просьбой об уменьшении работы и наказаний, но добились только того, что 6 чел. из них были жестоко наказаны розгами, „во многих местах до костей пробили“. Крестьяне тогда решили жаловаться на него государю, а несколько человек из них явилось к Угличанинову сказать об этом и просили облегчения от работ. Угличанинов приказал выборных схватить и приставил к работе на фабрике, а лошадей, на которых они приехали, запер в конюшню и морил тех и других 8 дней голодом. Народ стал просить его выпустить и крестьян, и их лошадей, но купец не выпустил, так что крестьяне обратились к костромскому губернатору с жалобой на это. Губернатор приказал лошадей выпустить, а тех человек-просителей, даже не спрашивая их, приказал наказывать палками. Но Угличанинов, недовольный этим наказанием, сам приехал в Костромскую управу благочиния и тех же, наказанных уже губернатором, сам наказал плетью и обрил бороды и головы; кроме того, приказав привести из вотчины двух крестьян, дядю и племянника, он отдал их в содаты. Такая жестокая расправа переполнила чашу терпения даже крепостных крестьян, и они отправили государю жалобу на своего владельца. Жалоба была подана, рассмотрена, и генерал-прокурор потребовал от Угличанинова объяснения на нее. В этом объяснении последний, отрицая справедливость жалобы крестьян, говорит, что причиной волнения его крестьян были „разнесшиеся слухи, будто бы крестьяне, помещикам принадлежащие, имеют учиниться свободными“. Злоупотребления были настолько вопиющими, что генерал-прокурор Куракин вынужден был послать губернатору и губернскому предводителю дворянства предписания, с извещением, что царь повелел выборных „простить и отпустить в их жилища, куда и приказано им явиться. А как может случиться, что за отлучку их будет с них взыскание от правительства, помещика или и самих крестьян, то ваше превосходительство благоволите приказать означенных просителей принять в начальственное покровительство и от наказания или от какого-либо притеснения конечно защитить“.

Брожение среди Угличаниновских ткачей в 1818 г. Сравнительно подробные сведения имеются также о брожении, бывшем среди рабочих той же угличаниновской фабрики в 1818 г.

17 мая 1818 г. фабричный мастеровой Григорий Максимов прислал министру юстиции жалобу на фабриканта Углечанинова в том, что последний, „пользуясь оказываемым ему со стороны костромских гражданского губернатора и полицмейстера послаблением, причиняет разные притеснения и жестокие наказания фабричным своим и что один из них, осмелившийся обнаружить таковые против законные его поступки, оканчивает жизнь от побоев, а он, проситель, содержится безвинно в смиренном доме“. С своей стороны Углечанинов обратился (30 мая того же 1818 г.) в министерство юстиции с сообщением, что управляющий делами его фабричный Старцев, вышедши из повиновения, живет с просроченным паспортом в ПБурге и не является в Кострому для отдачи отчетов и, хотя он, Углечанинов, просил министра внутренних дел о высылке к нему Старцева, но министр ответил, что просьба эта до него не относится, „а между тем прочие его фабричные, видя пример Старцева, начали уклоняться от повиновения ему, Углечанинову, и он вынужден был из числа их означенного Максимова посадить в смиренный дом“.

По содержанию жалобы Максимова были затребованы объяснения с мест.

Вскоре после подачи жалобы Максимовым, а именно 25 июня того же 1818 г. к костромскому гражданскому губернатору явилось пятеро фабричных Углечанинова: Алексей Ларионов, Василий Максимов, Козьма Михайлов, Егор Никифоров, и Григорий Иванов и принесли ему словесную жалобу на Углечанинова, заявив, что „он производит им за работу плату гораздо менее той цены, какую получают такового же рода люди от прочих фабрикантов, и что они, а также и прочие их фабрики крестьяне по невыдаче полного количества заработных денег лишаются средств к своему пропитанию“. Жалобщики были препровождены в полицию и там от них по жалобе были отобраны показания.

Показали фабричные следующее:

„1-й Алексей Ларионов—что за производство на полотняной фабрике купца Углечанинова работы тканьем фланского полотна получает он, Ларионов, с каждого вытканного куска мерою в ширину $1\frac{3}{4}$ арш., в длину от 58 до 60 арш.— по 4 р. 50 к.; у прочих же таковых здешних фабрикантов за каждый кусок полотна и такой же меры получают подобные люди по 5 р., не употребляясь в другие работы, кроме сей; он же, Ларионов, сверх сего занимался работою без всякой уже платы на пряжеварне Углечанинова и для караулу ночью полотен, грузкою в лодку пряжи для отправления в Ярославль на тамошнюю его, Углечанинова, фабрику.

2-й Василий Максимов—что он от Углечанинова получает платы за каждый кусок вытканного полотна по 1 руб., а прочие деньги удерживает и в число оных получил от него в 6 лет только 20 руб., а сверх сего употреблялся без всякой платы и в работу на сушильном дворе его, Углечанинова, который по многим его, Максимова, просьбам, неизвестно почему, никакой более, как по 1 р. с куска и означенных полученных особенно 20 р., платы не дает, чрез это крайне изнуряется в содержании себя.

3-й Кузьма Михайлов—получает платы с каждого куска вытканного полотна по 3 р. 50 к. и сверх сей работы употребляется от Углечанинова к нагрузке в лодки пряжи и хлеба для Ярославской его фабрики без всякой же платы.

4-й Егор Никифоров—плату получает по 3 р. 50 к. с куска мерою каждый кусок шириною $1\frac{1}{2}$ арш., а в длину от 47 до 50 арш., притом же, кроме фабричной работы, употреблялся от Угличанинова для возки сена и плотнической работы, кою он знает, а за сию последнюю, когда случится, выдавал ему Угличанинов не более, как по 40 коп. на день: однакож сей работы назад тому с год не производил.

5-й Григорий Иванов—что и он плату получает от Угличанинова за каждый кусок вытканного полотна по 3 р. 50 к., каковую платою и почитает себя недвольным по причине недостатка в содержании и еще по употреблению на другие от Угличанинова работы как для сушки на Ярославскую его фабрику пряжи, грузки оной в лодки на отправление в Ярославль и туда же для рабочих хлеба; на прочих же здешних фабриках подобные люди такового занятия не имеют, а потому и полагает, что плата им производится достаточнее“.

Таким образом, по существу жалобы фабричных сводились: 1) к указанию на низкую заработную плату, недостаточную для пропитания и меньшую по сравнению с платою на других костромских фабриках, 2) на задержку в уплате заработка и 3) на употребление их на разного рода бесплатные работы, не относящиеся, очевидно, к прямым обязанностям ткачей.

Любопытны объяснения, представленные Угличаниновым полиции по поводу приведенных жалоб. В этих объяснениях Угличанинов „прописывал, во 1) что за выработку полотен фланских ординарных длиною в 50 арш., шириною в $1\frac{1}{2}$ арш., да широких длиною в 57 арш., шириною в 45 дюймов все мастеровые, как крепостные его фабричные, так и вольные мастера получают плату: за ординарные фланские по 3 р. 50 к., за широкие по 4 р. 50 к. за каждый кусок, во 2) за погрузку в лодки пряжи и хлеба для Ярославской его, Угличанинова, фабрики производится плата по 40 коп. в день; работа сия бывает по временам в год не более 6 раз, и наряжаются к ней фабричные поочередно; в 3) что употребляются в работу фабричные на некоторые часы и поочередно на сушильном дворе для выправления высушенной пряжи, приготовленной для выработки ими же фабричными из той же пряжи полотен, и что за сию работу с начала существования фабрики никогда и никому платы не производил, поелику она столь малозначаща, что не отнимает у них времени производить ткачество, а на пряжеварне употребляются в работу особые люди с производением им особой платы; из вышеписанных же просителей никто на пряжеварне в работу не употребляется, в 4) караульных и днем и ночью при фабриках для соблюдения всего имеющегося на фабриках, и для всяких случаев велено иметь без особой платы по регулам для мастеровых и рабочих людей; сими регулами руководствуясь с существования фабрики и наряжаются в караул из фабричных поочередно; в 5) Никифоров по временам и поочередно, когда где около фабрики нужно что ветхое поправить, как-то: упавшие заборы и огороды, употреблялся прежде сего на короткое время, за что и производима была плата ему, как и прочим, по 40 коп. за день, а сено возить для лошадей, при фабрике употребляемых, из фабричных наряжаются поочередно и на весьма короткое время с платежом также поденно денег и все фабричные и из них едвали каждому достается быть при сей работе в год один раз и, наконец, в 6) не только Максиму, но и всем фабричным при приеме от них полотен полной

платы вдруг не производится, а всем дается по рублю, а достальные следующие им деньги согласно тех же регул удерживаются в конторе и выдаются оные при расчетах им тогда, когда они требуют; а как сии выдачи денег за выработку полотен его крепостным фабричным и вольным мастерам, равно и за поденщину, производимую фабричными, значатся в заведенных в конторе книгах и тетрадах, из чего видно, что жалоба сделана на него, Угличанинова, упомянутыми фабричными беззаконно и заключает в себе одну какую-то выдумку, во удержание от чего и просил в страх других оных фабричных, утруждавших начальство беззаконною просьбою, а ему, Угличанинову, тем нанесших обиду—наказав, согласно с существующими законами, строго подтвердить им, чтоб они на будущее время от подобных поступков удержались“.

Была сделана справка о плате на других фабриках. На запрос полиции фабрикант Дурыгин удостоверил, что вольнонаемные ткачи на его фабрике получают за каждый вытканый кусок:

Фламского полотна ширины	3 ар.,	длины	60 ар.—40 р.
„	„	„	2 „ „ 60 „ —10 р.
„	„	„	45 дюйм. „ 57 „ — 5 р.
„	„	„	42 „ „ 50 „ — 3 р. 50 к.
равендук	„	„	28 „ „ 50 „ — 2 р. 20 к.

В результате произведенного расследования губернатор нашел жалобу фабричных „вовсе незаслуживающей никакого уважения, потому, во 1) что плата им за работу производится в одинаковой мере с вольнонаемными, на других фабриках работающими, 2) удерживание некоторой части заработанных денег содержателем фабрики производится сообразно 10-му пункту работных регул и, в 3) равным образом жалоба просителей не может быть основательна и на счет упражнения в карауле их, возке сена и погрузке пряжи и хлеба, которые для общего числа людей, быв весьма малозначительны, не могут служить никаким отягощением, а тем менее несовместно причинить в работах расстройство“, и предписал „просителям и прочим фабричным людям внушить внятным образом правила, в работных регулах начертанные, кои они неотменно должны исполнять беспрекословно и во всей точности, а равным образом не оставит полиция и наказание просителей за напрасную их на содержателя жалобу предоставить сообразно 7 и 8 пунктов тех же регул на волю фабриканта, каковое предписание—эпически замечает рапорт производившего расследование—и исполнено исправляющим в Константиновской части должность частного пристава квартальным надзирателем Турчаниновым“.

Одновременно (26 августа) губернатор по ордеру министра внутренних дел предписал немедленно потребовать от Угличанинова объяснения, почему состоящий при его фабрике крестьянин Григорий Максимов находился в услугах при его, Угличанинова, доме, тогда как на основании указа 16 марта 1798 г. должен был заниматься работами, только к фабричному производству относящимися. В ответ на этот запрос Угличанинов утверждал, что Максимов всегда находился при конторе по делам фабрики для посылок и для исправления разных фабричных поручений, почему и жил в доме его, Угличанинова, на всем его содержании. Угличанинов ссылался при этом на отсутствие в законе запрещения употреблять фабричных крестьян к занятиям по конторе, существующей единственно по делам фабрики;

в свободное же от конторских занятий от рассылок время Максимов употреблялся и в частные его, Угличанинова, услуги, но и это не запрещается: согласно доклада 2-го отделения, поднесенного государю от министра внутренних дел в июне 1803 г., хозяину фабрики не воспрещается иметь в частных услугах даже до 3-х человек из числа их фабричных; остальные же состоящие при костромской его фабрике крепостные крестьяне употребляются только по фабричным занятиям.

Были запрошены о причинах содержания Максимова в смирительном доме смотритель его, а также полицмейстер. Запросы выяснили, что Максимов неоднократно замечался в пьянстве и в отлучке от дома в ночное время. Когда Угличанинов сделал ему за это выговор, то Максимов наделал Угличанинову грубости; об этом было доведено до сведения полицмейстера. Последний лично отправился на фабрику Угличанинова. На вопрос полицмейстера, зачем он отлучался от дому, Максимов отвечал, что ходил гулять, причем, вместо должного извинения, проговаривал Угличанинову: „разве де и не погулять!“ Хотя полицмейстер, по его словам, и внушал Максиму правила кротости и повиновения, но это не действовало; Максимов не только не стал воздерживаться от других поступков, но еще больше стал их умножать. Тогда 13-го мая Максимов был представлен в смирительный дом „для воздержания“ сроком на два месяца.

По истечении этих двух месяцев Угличанинов, ссылаясь на то, что по его разведываниям Максимов не только в поведении своем не раскаивается, но даже смотрителю смирительного дома чинит грубости, просил продлить пребывание Максимова в смирительном доме еще на 4 месяца. Смотритель показал, что действительно Максимов в первый период своего пребывания в смирительном доме— в июне, когда посылаем был на работу в казенный губернаторский дом, оставляя работу, ходил без ведома смотрителя в разные дома и места; при внушении же, делавшемся ему смотрителем, за указанное своеволие, не только не извинялся, но отвечал с грубостью, и в тоже время иногда приходил с работы пьяным, хотя всякий раз был под присмотром солдат. Впрочем, по мнению смотрителя, эти поступки Максимова не заключали в себе важности, и в дальнейшем Максимов вел себя „с совершенным благонравием и кротким поведением“.

О судьбе жалобщиков узнаем из рапорта губернского стряпчего Доброхотова: 11 ноября 1818 г. еще до истечения срока содержания в смирительном доме Максимов был сдан Угличаниновым в рекруты за состоящих при фабрике крестьян. По мнению стряпчего, сдача Максимова в рекруты была „едва ли основана на беспристрастии: в течение последних двух месяцев, по удостоверению смотрителя смирительного дома, Максимов „ни в каких дурных поступках не находился“, но на это Угличанинов не обратил никакого внимания. „Нельзя почти иметь сомнения— писал стряпчий—чтоб под благовидною причиною отправления государственной повинности Угличанинов не употреблял притеснительного для Максимова мщения“ за принесенную министру юстиции жалобу.

Пострадали также и двое других жалобщиков, приносивших жалобу губернатору в июне: Алексей Ларионов и Василий Максимов, сданные 10 июля Угличаниновым, подобно Григорию Максиму, также в рекруты „без всякой надобности“ в зачет наборов.

ГЛАВА II-я.

Положение крепостных рабочих на вотчинных фабриках.

Положение фабричных крестьян на Апалихинской фабрике. — Жалобы их на угнетение в 1834 г. — Забастовка крепостных суконщиков в селе Шухомоши Нерехтского уезда в 1813 г. — Убийство мельничного мастера на Лугининских заводах в 1842 г. — Брожение рабочих на Раменском чугунно-плавильном заводе в 1854 г.

Если тяжело было положение рабочих на городских фабриках, то еще тяжелее было оно, как общее правило, на вотчинных фабриках, расположенных в сельских местностях.

Положение фабричных крестьян на Апалихинской фабрике. Выше мы упоминали, что одной из первых фабрик в Костромской губернии была полотняная вотчинная фабрика, заведенная в 1752 г. в сельце Апалихах (под Костромой). По сведениям Пирогова, „сельцо это принадлежало одному крупному вотчиннику (графу Воронцову) и было ссыльным поселением, куда свозились из разных его имений крестьяне, не платившие оброка, для работ на полотняной фабрике“ *). Вначале фабрика эксплуатировалась самим владельцем, а затем сдавалась в аренду.

В XVIII в. фабрика эта была в арендном содержании у Пастухова (повидимому, нерехтский полотняный фабрикант); в первой четверти XIX в. ее арендовали костромские купцы и полотняные фабриканты Дурыгины, а позднее (в 30-х годах) она находилась в аренде у купца Частухина. В 1804 г. Воронцов получил за Апалихинскую фабрику арендных денег 1300 р., в 1815 г. — 2000 р.

Сдавалась фабрика в аренду по контрактам, обычно на четыре года, повидимому, со всем оборудованием, а также с находившимися при ней крепостными фабричными. В отношении последних в контрактах содержались особые пункты, рисующие до известной степени положение рабочих. Так, в контракте, по которому костромские 1-й гильдии купцы Алексей, Иван и Михайло Петровы Дурыгины брали Апалихинскую фабрику в арендное содержание на новое четырехлетие, с 1 января 1804 г., имелись следующие дополнительные к прежнему контракту статьи:

„1-е. Обязуемся мы, содержатели, прибавить показанной фабрики мастеровым к производимой до сего плате за сработанные ими полотна на каждый срок с куска по 10 коп., которая нами уже и производиться начата, не прибавляя оным меры в длину и ширину против прежней препорции нисколько, кою и впредь производить безобидно; когда же на посторонних фабриках сверх той платы

*) В. Пирогов Ткацкие светелки под Костромой. Материалы для статистики Костромской губ., вып. IV. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та. Кострома, 1881 г., стр. 227.

впредь будет произведена на сорты таких же полотен прибавка, каковую и мы апалишенским фабришным обязаны платить же без спора.

2-е. За провоз полотен до города Костромы, за сдачу оных в контору нашу платить фабришным по 2 копейки с каждого куска.

3-е. Взамен прибавки на шлихту обязуемся вносить в учрежденные магазейны положенный хлеб с числа душ, состоящих по последней ревизии при показанной фабрике 235 душ по получетверiku ржаного и по полугарнцу ярового без всякого вычета из заработанной фабришными платы.

4-е. Если примечены будут из фабришных в излишних шалостях, пьянстве и нерадивые к работам, таковых в усмирении прочих вольна его сиятельства (графа Воронцова) контора отдавать впредь в зачет будущих наборов, как за души сельца Апалих, так и за другие его сиятельства деревни в рекруты.

5. Когда из девок фабришных пришедшие в возраст пожелают выйти замуж, то они вольны выходить за женихов, как апалишенских фабришных, так и за крестьян других его сиятельства деревень свободно, но однако-же не более в содержание наше выпустить девок и отдать в рекруты людей от 6 до 12, а затем, 6-е. Прочие статьи, относящиеся до содержания оной фабрики и мастеровых людей, а также и в платеже аренды должны сохранены быть во всем по вышеупомянутому на минувшее содержание контракту с обеих сторон..., а особливо по силе 7-го пункта прежнего контракта смотрение и побуждение к работам, и за мастеровыми иметь неослабно прикащику Василью Столареву“...

Из приведенного видно, что вотчинник, сдавая фабрику в аренду, выговаривал для мастеровых такую же плату, какую платили на других полотняных фабриках, а также особую плату за провоз выработки ткачами в контору в город; вместе с тем, беря крепостных рабочих в свое содержание, арендаторы обязывались вносить за них определенное количество хлеба в вотчинные хлебозапасные магазины. Наряду с этим характерно отметить сохранение вотчинной власти за помещиком. Право сдачи фабричных, замеченных „в излишних шалостях“, пьянстве и нерадивости, в рекруты сохранялось за вотчинной конторой, впрочем с ограничением в пользу арендатора: сдавать фабричных в рекруты и выпускать в замужество фабричных девок можно было не более 6—12, очевидно, за срок аренды.

Жалобы опалихинских рабочих на угнетение в 1834 г. Сданные в аренду купцу—фабриканту, крепостные фабричные попадали в тяжелую зависимость от последнего. Насколько тягостно было положение их, можно видеть из жалобы опалихинских фабричных крестьян, полученной 20 марта 1834 г. в Москве в главной домовою конторе графа М. С. Воронцова и обращенной к главноуправляющему именными последнего Фондермилену. В виду несомненного интереса, представляемого текстом этой жалобы, приводим ее ниже полностью:

„Его Высокоблагородие, милостивейший государь Ермолай Андреевич! Защитите нас, угнетенных тяготою. Известно Вашему Высокоблагородию, что находящийся у нас в Опалихах крестьянин Гаврила Дмитриев Бодрин, которой стесняет нас до крайности как работою, так и другими несносными тяготами, (которые?) ясны и видны (и вам?!) доставлены; но только в тех показаниях (хотя) есть

излишно показано, (но) оказалось очень довольно самой истинной справедливости, потому что у нас был мирской валовой сход и допрашиваны были на валовом сходе по 5 человек, по которому допросу показали вотчинному правлению истинную справедливость из среди нас довольная часть, а другая часть укрывают его, Бодрына, за то самое, что они ему, Бодрыну, состоят немаловажную сумму должны, около 1800 р., то боятся подать голос; если бы не состояли должными, то бы весь мир показал его, Бодрына, происшествии; если кто у него, Бодрына, не берет хлеба и прочих припасов, таковым делает сильные угнетения, не дает работы фланских основ, а принуждает брать основ равендушных, да и за работу денег не дает месяц и более, отзывается тем, что содержатель фабрики купец Частухин не высылает денег за сработанные изделия; а он, Бодрын, получает от фабриканта деньги вперед с (вы)работки изделия и оные деньги употребляет в торговлю и на оные же деньги получает себе чрез оборот торговли великую прибыль, барыш берет неумеренный, от пуда аржаной муки 50 коп. и до 70 коп., равно и от других продуктов тоже самое, и тем самым нам наводит великое отягощение; так, положим, от большого семейства в год, если начнется деньги брать в Костроме, принесет экономии 100 рублей, среднее семейство 50 р., малое семейство 25 р.; позволения не дает привозить посторонним торговцам, которые бы охотно имели бы продажу по сходной цене. Костромской мещанин Михайло Перекладов имел продажу при сельце Опалихах и наверил нам, фабричным, до 500 р., но по его, Бодрынову, истеснению принужден был торговлю бросить, состоящий долг на фабричных 500 руб. перепродал Бодрынову за 100 руб., которой понес убытку 400 р., а с нас, фабричных, взыскал все сполна 500 р. Что же касается до магазинного хлеба, начат оной собирать с 1795 году; по нынешнему неурожаю хлеба по совету вотчинного правления и мира взят из магазинна и продан по сходным ценам и оную сумму употребили в недоимку оброка, состоящего на нас, а большая часть оных денег осталася, и присоветовали миром, чтоб оные деньги употребить за 1834 год за 1-ую половину оброка, но он, Бодрынов, пересилил, определил: некоторые крестьяня должны ему, то с них получить себе уплату, а оставшие, которые остаются недолжным ему, роздать крестьянам по рукам. Фабричным делает в работе великую остановку: из принадлежащих нам основ дает работу посторонним людям, которые ему приносят с каждого куска пользы 10 коп.; да к тому берут с'естные припасы, деньгами им не дает, такую нужду заставляет терпеть, что богу свечку купить не на что, а за тою (свечкою) принуждены идти к нему, ибо всякая вещь касающаяся имеется у него, и довел до такой себя высокой степени, что ежели кто какой сделает проступок из среды нас, то наперед иди к нему, Бодрыну, судить, а обойдя вотчинное правление, и какое от него последует рассуждение, тем самым и кончится, и себя превозносит теми словами: если я захочу, весь мир продам московской домовой конторе за тысячу рублей, то есть, мир обвинить, а себя оправить, подарить оным деньгам вас, и для верности и для удостоверения Вашего Высокоблагородия усердно просим потребуйте (ответа?) на наши вопросные пункты, которые хранятся в правлении, ясно усмотрите, если же оных потребуете, пропадут чрез дятку (дятку ?!) его, Бодрына, которой может уже явился к вам в Москву. При валово-

вом сходе оной Бодрин просил у миру прощения, чтоб впредь таких поступков не делать, как разделку, так и прочие принуждения, им деланные, все оставить; и обещался разделку давать, кто ему не должен, а потом, немного пропустя времени, вышла какая-то погрешность у него в конторе, похищение хозяйского товару, и подозревал он, Бодрин, с-ца Апалих Михайла Ремезова, и допрашиван был Бодриновым, но оной признания никакого в погрешности не учинил; его, Ремезова, наказал розгами, от чего сделался весьма нездоров и две недели лежал, не в присутствии бурмистра, а сам по себе, и что захочет, то и делает, и навел на всех страх; и просил себе одобрение у мира, которое вам уже известно, на счет службы у Частухина оной Бодрин требовал и многого во оправдании на поданную крестьянам просьбу, миром отказались; покорнейше просим Вашу милость взойти в милостивое разобранье и не дать нам быть обиженным“.

Эта безхитростная жалоба, написанная с нарушением правил грамматики, ярко рисует бесправное положение фабричных крестьян вотчинной фабрики, сданных в аренду купцу и находившихся в полной зависимости от фабричного прикащика, с искусством паука оплетавшего их паутиной своекорыстных расчетов.

Забастовка на суконной фабрике в селе Шухомоши в 1813 г. *). Одним из наиболее ранних известных нам проявлений рабочего движения на вотчинных фабриках в Костромской губ. является забастовка крепостных рабочих за суконной фабрике в с. Шухомоши, Нерехтского у., в 1813 г.

Фабрика, о которой идет речь, также, как и имение, включавшее в себя, помимо названного села Шухомоши, еще село Середу-Упину (ныне известный фабричный уездный центр и уездный город Иваново-Вознесенской губ.) и дер. Попадью, принадлежала ранее генерал-лейтенанту князю Ивану Сергеевичу Бярятинскому, затем по купчей перешла к Бибиковой, а после смерти последней — к ее опекунам, в управлении которых находилась и в 1813 г., когда произошли волнения рабочих. Впрочем, крестьяне с. Середы с давнего времени, еще при Бярятинском, были уволены от работы на Шухомошской фабрике, и в 1813 г. на ней работали лишь крестьяне с. Шухомоши и дер. Попадью.

Во главе фабричной администрации в описываемое время стояли прикащик Яков Никитин и мастер Егор Тимофеев. С марта 1813 г. **) крепостные суконщики (с. Шухомоши и д. Попадью) с женами и детьми стали чинить им послушание и не выделять в положенное время задаваемых им уроков. 5 июня прикащик и мастер вызвали в контору вотчинного бурмистра Сергея Петрова и принесли ему жалобу на суконщиков и учрежденного над ними старосту (кр. села Шухомоши Семена Ларионова) и начали последнему выговаривать, зачем он дал волю суконщикам, делающим во всем остановку и невырабатывающим положенных на них уроков. Староста оправдывался, ссылаясь на то, что суконщики его

*) В первый раз эта забастовка была описана нами в статье „Забастовка крепостных суконщиков“. Красный архив. 1923 г. т. 4-й, стр. 401—405. Сведения о забастовке и условиях труда крепостных суконщиков взяты из дела канц. костр. губ-ра за 1813 г. № 645 „об ослушании крестьян села Шухомоши в производстве сукон“, заключающего в себе рапорт нерехтского земского исправника Линева от 16 июня 1813 г. костромскому гражданскому губернатору об ослушании крестьян села Шухомоши дер. Попадьюна „в производстве работы“ на суконной фабрике.

**) Как об этом было письменно заявлено, в июне 1813 г., прикащиком и мастером исправнику Линеву, командированному сюда губернатором по ордеру от 2 июня „по случаю ослушания“ крестьян для „удержания их от всяких противозаконных беспорядков“ и для „приведения к должному послушанию пред начальником, над ними определенным“.

не слушают. „Как!— закричал на старосту бурмистр—Прежде слушали... И отчего такая перемена сделалась“?—и хотел наказать старосту. Увидев это, суконщики заявили бурмистру, что они „больше на фабрике работать не хотят, потому что не знают, кто у них будет владельцем и для кого они будут производить сию работу“, добавив, что „им есть нечего“. После этого заявления „все пошли по домам своим—эпически сообщал в своем рапорте исправник—и по сие число на фабрику не явились“. „По какой же причине не имеют они (суконщики) пропитания—заявляли в своем письменном показании прикащик и мастер—им неизвестно“.

Расследование на месте, произведенное исправником путем опроса как прикащика, так и самих суконщиков, вскрыло самую беспощадную эксплуатацию, которой подвергались суконщики на Шухомошской фабрике. Самое широкое и беззащитное употребление детского труда в самом нежном возрасте, применение системы „брат на брата“, при которой всегда половина крестьян должна была работать на фабрике, „неимение дневного пропитания“, вследствие чего суконщики вынуждались побираться, нищенствовать,— вот что обнаружил исправник, едва ли заинтересованный в суждении красок.

Вот в его изложении показание, данное прикащиком и мастером. Они показали, что „при фабрике, вверенной управлению их, находятся люди обоего пола с осми лет и до семидесяти; постановления же на лета рабочих людей от господ они не имеют, а употребляют во оную по возможности без всякого изнурения; на работу ж ходят по половинному числу обоего пола, кроме детей, которые до двенадцатилетнего возраста бывают на фабрике без смены обоего пола; совершенных же лет ткачи и пряжи переменяются через сутки или как они захотят; вместо же заболевших рабочих людей действительно требовали они от бурмистра их работников, дабы не было остановки (в работах), нанимать же вместо себя новых никогда не принуждали и наказания за то никакого им не делали, а бывали наказываемы им за невыставление на срок данных им уроков, и то понемногу, а не так, как они (суконщики) показывают, бесчеловечно“ *). Мы видим таким образом, что, по свидетельству самой фабричной администрации, дети в возрасте 8—12 лет бессменно, т. е. день изо дня, работали на фабрике.

Были спрошены исправником и крестьяне. „Оные крестьяне—говорится в рапорте—с женами ж и детьми единогласно показали и письменно ж утвердили, что никогда они противу начальников суконной их фабрики, на коей они находятся, ослушания никакого не делают, как-то у прикащика Якова Никитина, равно и у мастера Егора Тимофеева, и всегда при оной находятся безотлучно и уроки, даваемые им, вырабатывают в положенное время, а сего июня 5-го числа отлучились они с оной фабрики, на которую и поныне не бывали, потому что не имеют дневного пропитания. Причина тому следующая: прежде сего, с самого начатия суконной их фабрики сделано от господ их навсегда постановление ходить на работу как из села, так и из деревни половинному числу людей обоего пола, а другая половина остается в домах для обработки пашни и сенокосу; смены их бывают по воле, иногда через сутки и более, как случится. Ныне ж прикащик Яков Никитин и мастер Егор Тимофеев притесняют их тем, что вместо

*) Разрядка наша, также, как и дальше. Е. Д.

случившихся больных забирают (на работу) последних от домов или вместо оных принуждают нанимать работников, и тем дома их остаются без всякого призрения. В работе ж при суконной фабрике находятся *малолетние дети их обоого пола от шестилетнего возраста, все старики и старухи до осмидесяти лет*, а господское постановление от 10 лет, а старикам до шестидесяти, от каковых притеснений и наймов вместо себя работников не только лишились, но *даже и земля не обработана, да и запахать нечем, и времени на то не имеют, а изотдали всю оную в кортому; по той причине и на фабрику идти не могут для того, что ходят для собирания милостыни и тем себя кормят*; больше ж всего вынуждены были оставить оную от несносных побой, чинимых им прикащиком и мастером за то, что вместо больных не выставляют работников, а нанимать оных им нечем; в рассуждение чего просили о том, куда следует, представить, а до приезде наследников их (т. е. наследников умершей Бибиковой) дать им свободу для пропитания, дабы не помереть с голоду“.

В приведенных строках ярко обрисованы результаты, к которым приводила фабричная барщина. Отрывая от земли и домашнего хозяйства не только зрелую рабочую силу, не только полурабочих-подростков, но даже детей с 6-летнего возраста и глубоких стариков до 80 лет, система эта оказывалась в корне несовместимой с ведением собственного земледельческого хозяйства, ибо подтачивала его основу: для земледельческих работ не хватало времени, земля оставалась необработанной, запахать ее было нечем, приходилось сдавать ее в кортому, т. е. в аренду, а сами суконщики, так как и фабрика не обеспечивала их, превращались в нищих, вынужденных побираться по окрестным деревням, чтобы не умереть с голоду. М. Н. Покровский говорит, что плантационное хозяйство на уральских заводах было правилом: „приписной“ крестьянин все больше и больше обращался в безземельного раба, которого хозяин кормил и одевал, эксплуатировал за то и его, и его семью (случаи применения детского труда уже встречаются), как ему заблагорассудится“ *). Практика Шухомошской суконной фабрики представляет собою не менее классическое выражение плантационной системы, чем порядки на Уральских заводах. Более того, некоторые черты ее выражены здесь гораздо ярче: детский труд применяется систематически, с самого юного возраста, не пренебрегают и трудом дряхлых стариков; крестьянское хозяйство разрушается в конце; фабрика не дает рабочему даже минимума средств существования, обрекая его на голод и нищенство. Стремление выжать все силы и соки из рабочего и его семьи, не давая ничего или почти ничего взамен — это основное правило плантационного хозяйства проникает собою все отношения между фабрикой и рабочими.

Помимо фабричной администрации и суконщиков был „спрашиван“ исправком также и вотчинный бумистр села Середы-Упиной — Сергей Петров, который показал, что „сего июня 5-го числа призван он был в контору суконной фабрики, при селе Шухомоши состоящей, прикащиком Яковом Никииным и мастером Егором Тимофеевым, которые требовали от него вместо заболевших ткачей из другой половины, дабы в работе остановки не было, почему он, призвав учрежден-

*) Русская история с древнейших времен, т. 4-й, стр. 129.

ного над ним старосту Семена Ларионова, требовал от него оных, также говорил ему, почему он дал волю рабочим людям, что делают они на фабрике во всем остановку и положенных на них уроков не вырабатывают, на что он (староста) ему отвечал, что они его не слушают и говорят, что не имеют пропитания, почему хотел он (бурмистр) его наказать; в то самое время, увидев (это), работники суконной фабрики закричали ему, Петрову, что больше они работать не будут; не имея пропитания и не зная, для кого продолжать будут сию работу, ибо неизвестно им, кто у них господин, и так все пошли по домам своим и по сие время на оную (фабрику) не явились. По какой же причине пропитания они себе не имеют, ему не известно, и посеян ли у них хлеб или нет, не знает; о побоях же, чинимых им прикащиком и мастером, ни от кого из них он не слышал, а также, чтоб нанимать вместо заболевших у них работников, о том они никогда не объявляли“.

Опросив стороны, исправник, „по соображению всех открытых обстоятельств“, подтверждал крестьянам села Шухомоши и дер. Пападына, „дабы они, не отвергая прежнего владельцев их постановления без особенного определенных ныне опекунов распоряжения, повиновались во всем прикащику Никитину и прочим определенным над ними начальниками, дабы чрез продолжение в сем неповиновении времени существующая уже в поставке в комисариат сукна остановка не могла далее продолжаться“.

Сделал исправник также попытку склонить крестьян с. Середы оказать помощь шухомошским суконщикам в производстве работ на фабрике „А между тем—пишет исправник—склонял и крестьян села Середы-Упиной, дабы они, по описываемому крестьян шухомошских чрез работу на фабрике доведению их до лишения дневного пропитания, оказывали им в той работе или в доставлении нужного пропитания какое-либо пособие, но как сие последние ото всего одного отказались тем, что они по воле прежних господ своих от работы на сей фабрике стеснены и другого по сей части повеления от определенных опекунов не имеют, а вносят положенный на них оброк бездомно,—почему и означенные села Шухомоши крестьяне за многими моими подтверждениями работы никакой на сей фабрике не производят“.

Таким образом, миссия исправника, повидимому, была безуспешна. Чем кончилась в дальнейшем эта история—об этом, к сожалению, в деле сведений не имеется, если не считать ордера костромского губернатора тому же исправнику Линеву от 17 августа 1813 г., которым ему предписывалось отправиться в с. Шухомошь и „по прибытии туда удостовериться, выполняют-ли поселяна по приказанию господ их или наследников свою обязанность“ и о том ему донести. Но донесения исправника по исполнению этого поручения в деле не сохранилось.

О волнениях шухомошских суконщиков сохранились рассказы среди местного населения, записанные в 1900 году учителем середского начального народного училища А. А. Тихоновым *). „В конце XVIII и начале XIX ст.—рассказывает Тихонов—с. Середя входила в состав Шухомошской волости и село Шухомош,

*) См. Этнографическую анкету 1900 г. Костромской архивной комиссии. Извлеченный из этой анкеты расказ Тихонова напечатан в статье Евг. Дюбуа. Основные черты в развитии крупной промышленности в Костр. губ. в дореформенное время. Труды Костр. научн. о-ва, вып. I, стр. 69.

(в 4 верстах от Середы к юго-востоку) было не менее Середы. Села эти со многими окрестными деревнями принадлежали князю Бярятинскому, бывшему поставщиком сукна на русскую армию, и в с. Шухомоши была суконная фабрика (место ее и теперь заметно), на которой работали крепостные крестьяне поурочно. Фабрика эта, говорят, была жестокой тиранией для населения, страшно терпевшего от тяжести налагаемых на народ уроков. Страдавшее под бременем работы население долго придумывало, как бы от этих работ избавиться, и, когда владельцем фабрики (в начале XIX ст.) стал некто Темерин, купив или заарендовав ее у князя Бярятинского, шухомяне придумали сжечь фабрику и этим избавиться от работы (середяне избавились от работы почему то раньше). Чтобы удачнее провести свой замысел в исполнение, надо было сначала украсть с фабрики крест, бывший в корпусе фабрики вместо иконы, а иначе, как думали они, поджог не удастся, да и будет большим грехом. Крест украли. Началась порка, искали виновных, перепороли почти всех рабочих, но виновника кражи креста с фабрики не нашли. Вскоре фабрику сожгли, и работы прекратились. Украденный с фабрики 8-миконечный крест цел и находится в церкви села Шухомоши. Бывший на фабрике вместо свистка колокол висит на колокольне Середской церкви, как вечерний (набатный) колокол. Кроме креста и колокола, свидетелей минувших дней, осталось и невещественное доказательство: в с. Середе жил мастер суконной фабрики, в Середе же и дер. Вошинках были конторы и как память об этом, в с. Середе и Вошинках существуют фамилии Мастеровых и Конторщиковых^{*)}.

Убийство мастера на Лугининских заводах в 1842 г. ^{)}**. Бывали случаи, когда тяжелое бесправное положение крепостных рабочих на вотчинных фабриках и заводах приводило к кровавой расправе последних с администрацией. Так было, наприм., на заводе ветлужского помещика Лугинина. Крупнейший лесовладелец в бассейне р. Ветлуги, Лугинин, решив в своем имении на р. Ветлуге устроить два завода: пильный и мукомольный, поручил произвести постройку их датскому подданному мельничному строителю механику Нильсу Микельсону. В качестве рабочей силы должны были употребляться принадлежащие Лугинину крестьяне, причем Лугинин выдал Микельсону за своей подписью уполномочие (впрочем, нигде не засвидетельствованное), предоставлявшее Микельсону право

^{*)} Умышленные поджоги крепостными, доведенными до отчаяния безмерной эксплуатацией их труда, суконных фабрик, случались, вероятно, нередко. Нам встретился в одном из земских изданий рассказ о поджоге суконной фабрики в с. Пестяхах Гороховецкого у. Владим. губ., который мы воспроизводим ниже, так как он рисует условия, сходные с шухомошскими. «Говорят, что более 100—120 л. тому назад в Пестяхах, когда крестьяне еще были вотчины Хованских, существовала суконная фабрика... По рассказам стариков, слышавших от своих отцов о фабриках, пожар их, объясняемый злоумышленным поджогом, можно считать около 1780 г. Весьма вероятно, что возникновение этих мануфактур, представлявших из себя не что иное, как простые более или менее обширные спетехи, где работа производилась исключительно руками, обязано своим происхождением покровительственной системе Петра I, тем более, что, по словам крестьян, сукна там ткались лишь армейские. Говорят, что крестьян заставляли работать на фабриках по 3 дня в неделю, оставляя таким образом для собственных крестьянских работ лишь $\frac{1}{2}$ недели. Тяжелая принудительная работа не обеспечивала собою процветания этих промышленных предприятий и, сожженные крестьянами, они более не восстанавливались» (Оц.-эк. отд. Влад. губ. управы. Материалы для оценки земель Влад. губ., т. V, Гороховецкий уезд. Вып. III. Промыслы крест. населения. Владими на Клязьме. 1901 г., стр. 14). В другом месте (стр. 4) этой работы говорится, что фабрики эти «стореки как раз перед переходом крестьян вотчины Хованских к кн. Щербатовой. Новая владелица так и не восстанавливала этих заведений... Память об этих фабриках жива еще в воспоминаниях крестьян до сих пор, несмотря на то, что никого уже в округе не оставалось, кто бы сам помнил их; жива эта память по тем ужасным рассказам, какие передаются о существовавших трудностях принудительной работы на них. Самый пожар объясняют поджогом, так как крестьянам не под силу стало терпеть трех и четырехдневную барщину на них с раннего утра и до поздней ночи».

^{**)} «Ведомости о производившихся в Костромской палате уголовного суда делах о начальных преступлениях, окончательно решенных оною палатою в 1842 году».

строго наказывать крестьян за вины их розгами. Микельсон широко использовал это право—не только строго и безотчетно сек розгами крестьян, но и, как это раскрылось на суде, бил их своеручно. Выведенные из терпения, пятеро крестьян (Борис Трофимов, Осип, Леонтий, Григорий и Стафей Ивановы) в субботу 4 июля 1842 г. по окончании работ на заводе сговорились посягнуть на жизнь Микельсона „за строгое с ними обращение и излишнее отягощение работами“. Как показывали они потом суду, Микельсон в четверг на неделе перед преступлением страшал их наказанием по 100 ударов розгами. По заявлению Трофимова, подтвержденному остальными участниками убийства, кроме Стафея Иванова, о заговоре на убийство знали также староста Савелей Федоров и караульный крестьянин Ераст Ларионов: Трофимов открылся Федорову, что они хотят избавиться от побоев убийством мастера, на что Федоров будто бы, отозвав Трофимова в сторону, сказал ему, чтобы они убили мастера при народе, обещая за это 500 р. Получив от старосты согласие на убийство, Трофимов об'явил об этом своим товарищам и караульному Ларионову. С Ларионовым они уговорились (в субботу вечером), что они останутся ночевать на заводе, а Ларионов, когда придет мастер, даст им повестку об этом. Затем все пятеро отправились вечером на левую сторону р. Ветлуги в шалашку, устроенную на сенокосное время близь озера Большие и Малые Прости, на которые Микельсон имел привычку в праздники ходить на охоту. Переночевав в шалашке, все пятеро в воскресенье в обедню вышли из нее и стали поджидать мастера. Ларионов по прибытии мастера в завод дал знать об этом заговорщикам: подойдя к окну крикнул, свиснул и рукой махнул, затем перевез мастера через реку. Когда Микельсон подходил к озерам и выстрелил по уткам, поджидавшие его пятеро крестьян сделали вид, что ловят рыбу, затем окружили его и, заведя с ним разговор по поводу неудачного выстрела, убили его чугунными гирями, а тело бросили в озеро, забросав корягами. Ружье, бывшее при механике, патронташ, сапоги и носовой платок зарыли в лесу, а часы и кольцо взяли себе (двое из участников убийства). Другие двое участников (Борис и Осип Ивановы) по совершении убийства явились в пильный завод и об'явили о преступлении. Все пятеро были арестованы. Вначале об участии в заговоре старосты и караульного не показывали, надеясь на получение обещанных денег, а затем уличали на очных ставках старосту, показывая, что во время содержания их вместе под караулом староста приходил к ним и уговаривал не показывать на него. Федоров отрицал соучастие, показывая, что бывал у них для отдания пищи и для зова сотского Алексея Иванова, чего впрочем ни Иванов, ни другие караульные не подтвердили. Ларионов навлек на себя подозрение тем, что за день до убийства находился вместе с Трофимовым. Пятый участник заговора, Стафей Иванов державшийся и во время совершения преступления несколько особняком (он, например, лично Микельсона не бил, а только помогал отнести тело убитого в озеро и закласть его корягами), не подтвердил однако наговора своих товарищей на старосту и караульного, сообщив, что во время содержания их в остроге они уговаривали его показать на старосту и караульного о знании о заговоре на убийство и обещании старостою денег; Иванов утверждал на суде, что ему об этом неизвестно.

Уголовная палата приговорила Трофимова, Леонтия, Григория, Осипа и Стафея Ивановых по наказании через палача кнутом первых четырех по 10 ударов, а последнего к 5 ударам и по выставке на лбу и щеках каждого установленных штемпелевых знаков к ссылке в Сибирь в каторжную работу; староста же и караульные, неуличенные на суде в знании заговора и в поощрении преступников к убийству, были оставлены в сильном подозрении. Вместе с тем суд представил губернатору о незаконном распоряжении Лугинина, вверившего своих крестьян без узаконенной доверенности иноземцу, с полномочием взыскивать с крестьян и наказывать их розгами строго и безотчетно. По этому поводу губернатор в представлении к министру внутренних дел высказался за необходимость внушения Лугинину, чтобы прибываемым в его имения иностранцам-механикам, дурно знающим русский язык, не позволялось взыскивать и наказывать подчиненных им рабочих людей. 3 апреля министр уведомил губернатора о своем согласии с ним, вследствие чего губернатор и внушил Лугинину об исполнении на будущее время указанного требования.

Чтобы покончить с немногими известными пока проявлениями рабочего движения в крепостную эпоху, скажем два слова о брожении среди рабочих Раменского завода.

Брожение рабочих на Раменском чугуно-плавильном заводе в 1854 году.

Некоторые сведения о брожении рабочих на Раменском чугуно-плавильном заводе помещика Кандалинцева в Ветлужском уезде 1854 г. (большею частью рабочие этого завода были крепостными крестьянами владельца) извлечены нами из бумаг Кандалинцевского вотчинного архива. „Заводских людей—пишет в одной из этих бумаг (от 5 апреля 1854 г.) управляющему вотчиной Белозерову заводский прикащик Усачев—заработками для праздника следует удовлетворить, о чем я два уже раза просил вас, между тем надзиратель Ухов объявил в конторе, что заводские мастеровые и рабочие люди приведены в такое сомнение слухом о неудовлетворении их заработками, что и наряд к работе не выполняют, отзываясь, что заводская контора получила вдруг из вотчинного имения 8 тыс. руб., но им заработку не выдает; в этом они будто бы совершенно удостоверены от вас на работах их, намерены приступить ко мне толпой и требовать удовлетворения; некоторые из заводских, являясь в контору, тоже подтверждают сделанное им внушение“^{*)}.

Вероятно, имели место и другие проявления рабочего движения в пределах Костромского края в эту эпоху, но сведений о них не сохранилось.

^{*)} Евг. Дюбек. Раменский чугуно-плавильный завод. Труды Костр. Научн. Об-ва, вып. IX, стр. 37. В 1851—52 г.г. на этом заводе было мастеровых на разных работах 31 чел. В другом письме (от 24 сентября 1854 г.) к тому же Белозерову, жалуясь на распространившиеся в заводе слухи, что он находится под судом и что ему запрещено принимать от кого-либо формальное доверие, Усачев пишет (стр. 41), что „через таковое разглашение и внушение в некоторых слабых умах заводских людей породилось уже зло, отчаянность и непокорность, влекущие к худым последствиям“.

Г Л А В А Ш.

Рабочее движение в период 1873—1895 г.г.

Рост промышленности в 19 в.—Положение рабочих—Забастовка михинских рабочих в 1873 г.—Забастовка на фабрике Зубкова в 1874 г.—Волнения рабочих на заводе Шипова в Костроме в 1878 г.—Забастовка на Долматовской м-ре в 1879 г.—Стачка на Долматовской м-ре в 1885 г.—Забастовка на фабрике Разоренова и Кормилицына в 1885 г.—Волнение среди чесальщиков Зотовской фабрики в Костроме в 1887 г.—Забастовка на фабрике Дороднова в с. Яковлевском в 1888 г.—Забастовка на фабрике Крымова в селе Яковлевском в 1888 г.—Забастовка на фабрике т-ва Разоренова и Кормилицына в селе Тезине в 1888 г.—Забастовка на фабрике Разоренова в с. Тезине в 1888 г.—Забастовка 1888 г. на ф-ке в Сошниках—Забастовка на ф-ке т-ва Волжской м-ры в с. Наволоках в 1888 г.—Бунт 1889 г. в с. Тезине—Забастовка 1889 г. в с. Писцове—Забастовка на фабрике Миндовского в Юрьевце в 1890 г.—Забастовка на фабрике Скворцова в с. Писцове в 1890 г.—Брожение среди рабочих Долматовской м-ры в 1890 г.—Забастовка 1891 г. на Ветке—Забастовка на фабрике Дороднова в с. Яковлевском в 1891 г.—Забастовка на Ветке 1892 г.—Забастовка на фабрике Горбуновых в с-це Киселеве в 1893 г.—Выводы.

Полотняная крупная промышленность, расцветшая к концу XVIII в. в Костроме и других городах губернии и покоившаяся на ручном труде, опиралась в своем развитии на широкий заграничный рынок. В первой половине XIX века, вследствие быстрого подешевения заграницей бумажных тканей, явившегося в свою очередь результатом широкого применения в заграничной текстильной промышленности машинной техники, сбыт русских полотен за границу быстро падает, полотняная промышленность переживает жесточайший кризис (в 20-х и 40-х г.г. 19 ст.) и, не выдержав заграничной конкуренции, почти целиком погибает.

Несмотря на это, крупная промышленность в Костромской губ. в XIX веке продолжает развиваться. С самого начала этого столетия в юго-западной части губернии, особенно в Кинешемском уезде, возникает и быстро растет, вначале также в форме ручного производства, а затем постепенно усваивая западно-европейскую технику, хлопчато-бумажная промышленность. Несколько позднее, в 50-х г.г. 19 ст. начинается возрождение льняной промышленности—в Костроме и других городах края возникают механические льнопрядильные и льноткацкие фабрики. В связи с ростом текстильной промышленности разворачивается также немного химическая промышленность и некоторые другие производства.*)

В 1853 г. в Костр. губернии было 99 заведений с 11 тысячами рабочих и 6,8 милл. рублей суммы производства. В 1884 г. на фабриках и заводах работали уже 28267 рабочих и сумма производства достигала 29¹/₂ мил. рублей. В 1900 г. по сведениям фабричной инспекции численность рабочих на фабриках губерний составляла уже 62¹/₂ тыс. человек. Если для конца XVIII в. типичной была ручная

*) Подробнее о росте крупной промышленности в первой половине XIX в. см. Дюбюк, Евг. Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губ. в дореформенное время. Труды Костр. Научн. Об-ва, вып. I.

мануфактура, кое-где еще наряду с наемными рабочими применявшая также труд крепостных и посессионных мастеровых и работных людей, то фабрика половины XIX в. уже усвоила себе иные черты: всецело стояла на почве наемного труда и пользовалась для производства в значительной степени машинной техникой и паровыми двигателями.

Положение рабочих. Численность рабочего класса на фабриках и заводах губернии, как мы видели выше, непрерывно возрастала, однако положение его продолжало оставаться тяжелым. Рабочий день отличался длиной. В конце 50-х г.г., по сведениям Крживоблоцкого, на прядильной фабрике Брюханова и Зотова в Костроме работа шла в 4 смены, по 6 часов продолжительностью каждая; каждый рабочий работал по 12 час. в сутки; на химическом заводе Шипова был 12 час. рабочий день, за исключением перерыва для отдыха в течение дня.

Зарботки были чрезвычайно низки. По сведениям Васькова, в Нерехте в 1856 г. на льюткацкой фабрике Сыромятникова и Дьяконова 423 рабочих зарабатывали в год до 40 тыс. р., отсюда годовой заработок одного рабочего определяется в 95 р. или в месяц около 8 руб. По данным Крживоблоцкого (конец 50-х г.г.) на фабрике Брюханова и Зотова в Костроме 575 рабочих получили в год 40000 р. жалованья или по 70 р. на человека, на фабрике Сыромятникова и Дьяконова в Нерехте 860 рабочих заработали 70000 руб. или по 81 р. на рабочего.

По произведенному нами подсчету по конторским книгам Анненской фабрики И. А. Коновалова в Кинешемском уезде в 1871—72 г.г. средняя месячная ставка рабочих составляла 5 р. 93 к. По исследованиям Пирогова, относящимся к началу 80-х г.г. 19 ст., годовой заработок рабочего равнялся на льнопрядильной и ткацкой фабриках Новой Костромской м-ры 130 р., на отделочной Гр. Е. Разоренова в Тезине 125 р., на ткацкой Сосипатра Сидорова в с. Яковлевском 102 р., на льнопрядильне в Юрьевце 96 р., на ткацкой Коновалова в Бонячках 91 р., на фабрике Т-ва Волжской м-ры Миндовского и Бакакина 82 р. и т. д. Помимо труда взрослых на фабриках применялся детский труд. Для 11 текстильных фабрик, из числа обследованных Пироговым, есть сведения о количестве малолетних рабочих: мальчики и девочки моложе 12 лет составляли 5% общего числа рабочих. Санитарные условия на фабриках и на квартирах рабочих были скверны. На фоне беспросветной жизни среди рабочих царили пьянство и разгул. О Яковлевско-Середском фабричном районе Пирогов писал (стр. 89—90) следующее: „кабаки и трактиры, — с названиями то „Новый Свет“, то „Ярославская гостиница“, — в изобилии окружают фабрики, и в этих притонах пьянства рабочие прогуливают не только нужные деньги, но и рабочее время, подвергаясь значительным вычетам и причиняя убытки фабрикантам... Пьянство так распространено в среде рабочих, по словам одного из владельцев фабрик, что 10 рублевым заработок, полученный в субботу, часто превращается в несколько копеек к понедельнику“...*)

Это тяжелое положение рабочих прорывалось не только в попойках и разгуле, оно толкало рабочих также на путь борьбы за улучшение условий жизни и работы.

*) В. Пирогов—Очерки фабрик Костромской губ. Производство по фабрике волокнистых веществ. Материалы для фабрики Костр. губ. Вып. VI. Изд. Костр. Губ. Ст. к-ре 1884 г.

Для 60-х г.г. отсутствуют какие-бы то ни было сведения о рабочем движении в Костромской губ., хотя, надо думать, отдельные забастовки происходили и в этот период*). В 70-ые годы происходит уже ряд забастовок.

Забастовка михинских рабочих в 1873 г. Первая из известных нам забастовок в этот период—это забастовка рабочих на фабрике Михина в январе 1873 г., кратко описанная в изданном за границей в начале 900-х г.г. очерке „Рабочее движение в Костроме“. В настоящее время—говорится в этом очерке (стр. 4)—среди костромских рабочих сохранилась память о беспорядках на фабрике Михина в январе 1873 г. Поводом к этим беспорядкам послужило то обстоятельство, что фабричное начальство решило начать работы на Михинской фабрике в новый год, тогда как на прочих костромских фабриках работы начинались лишь с 2 января. Крайне возмущенные этим, михинские рабочие отказались идти на работу, причем первыми заявили протест подростки. Толпа михинских рабочих в несколько сот человек собралась перед фабрикой и начала бить в фабричных зданиях стекла; к этой толпе присоединились многие рабочие Шиповского завода. Толпа разнесла фабричную сторожку. Для усмирения рабочих были вызваны войска, которые и разогнали толпу. Дело обошлось, однако, без кровопролития. Несмотря на то, что беспорядки эти были вовсе неорганизованы и совершались без всякой подготовки, рабочим удалось добиться удовлетворения своих требований. Фабричное начальство начало работу так же, как и на других фабриках, со второго дня**)

Забастовка на фабрике Зубкова в 1874 г. В следующем 1874 г. в ноябре месяце имела место забастовка на механической миткалево-ткацкой фабрике купца А. Ф. Зубкова, основанной в 1873 г. в с. Долматове Никольской вол., Кинешемского у., при реке Мере в 12 в. от Кинешмы**). Видимо, на этой фабрике было неспокойно и в следующем 1875 г., потому что 12 марта этого года к помещику костромского губернского жандармского управления в Кинешемском уезде поступило прошение купца Александра Зубкова об учреждении жандармского поста на Долматовской фабрике.

Волнения рабочих на заводе Шипова в Костроме в 1878 г. Завод этот в свое время сыграл крупную роль в развитии фабричной промышленности Центрального промышленного района. Основанный в 1852 г. специально для изготовления медных валов для ситцепечатных фабрик, завод этот в короткий срок вырос в крупнейшее предприятие с числом рабочих, меняющимся от 800 и до 1400 чел. Но в конце 70-х г.г., т. е, как раз к тому времени, к какому относятся волнения ра-

*) Такие забастовки происходили, напр., в соседней Владимирской губ. Составитель „Свода материалов по кустарной промышленности в России“ кн. А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский (СПБ. 1874 г., стр. 406), ссылаясь на статью В. Безобразова. Село Иваново (Отч. Записки, 1864 г., стр. 272) отмечали, что в с. Изаноз, где в то время до 7000 чел. постоянных жителей и до 10.000 временно проживающих рабочих были заняты приготовлением сита, которого фабриковалось до 1.000.000 кусков в год (50.000.000 арш.) на 7.500.000 р. сер., „особенного внимания заслуживают отношения между фабрикантами и рабочими по дурному обращению первых с последними; они дурно платят рабочим и часто производят уплату бракованним товаром вместо денег и т. п. Здесь было уже несколько настоящих стачек рабочих (strikes)“

*) См. также Николай Селецкий. Несколько дат на истории развития революционных движений в Костромской губ. Газета „Красный Мир“ 1922 г. № 265, где о забастовке на Михинской фабрике сказано следующее: „1—5 января. Беспорядки на фабрике Михина. Растром зданий. 2 января. Поддержка Михинцев со стороны рабочих Шиповского завода 4 января. Усмирение беспорядков при помощи войска местного гарнизона. Кровопролитие 5 января. Начало работ на Шиповском заводе“.

**) Донесение об этой забастовке в 3-е отделение, Костромскому губернатору и начальнику костр. губ. жанд. управления было послано кинешемским жанд. подполковником 11 ноября.

бочих, деятельность завода начала клониться к упадку. Финансовое положение завода, как кажется, в связи с неудачными поставками на армию во время русско-турецкой войны, пошатнулось и уже в начале 80-х г.г. привело к закрытию завода. В 1879 г. на заводе работало 830 чел.*) С ухудшением дел завода зар. плата начала выдаваться с большими задержками, так что в 1878 г. на этой почве возникли даже волнения рабочих. Об этих волнениях можно почерпнуть некоторые сведения у Прокоповича („К рабочему вопросу в России“, стр. 57—58)**). В 1878 г.—говорит Прокопович— „на механическом заводе Шипова в Костроме рабочим не выдавалась зар. плата в течении 2-х месяцев; нужные продукты они получали по талонам из конторы в фабричной лавке, не всегда хорошего качества. К тому же, в лавке имелось не все нужное для рабочих, так что рабочим случалось брать какой-либо товар в лавке и продавать его с убытком на стороне, чтобы купить нужную вещь. 19 и 21 августа, собравшись в числе несколько сот человек на заводском дворе перед зданием конторы и смастерив из кусков рогожи флаг, рабочие с громкими криками: „Шипов прогорел!“—требовали выдачи заработанных денег и установления расчетов 2 раза в месяц, чтобы иметь возможность покупать нужные припасы на стороне по вольной цене“.

Описанные волнения представляют интерес еще и в том отношении, что, повидимому, со стороны тогдашних революционеров-народников делались попытки их использовать в целях революционизирования шиповских рабочих. Так можно думать на основании следующих фактов. В апреле 1879 г. в Костромском уезде был арестован делопроизводитель станового пристава, некто Альтовский, ранее (повидимому, в 1878 г.) бывший на Шиповском заводе в Костроме в обучении слесарному ремеслу. При аресте у Альтовского между прочим было найдено писанное рукою Альтовского „возмутительное“ воззвание к рабочим следующего содержания: „Братья—труженики! Осмотритесь вокруг себя да внимательнее, с сознанием, что вы люди, а не рабочий скот,—то увидите, что вся и все живет на ваш счет; начиная от большого барина до его последнего безмозглого холопа, нежится и жиреет твоим потом и кровью. Неужели никогда не приходило вам в голову, что все, что есть лучшего, принадлежит вам, как достояние ваше, созданное кровавым трудом нашим; а между тем кто им пользуется? Богачи, обжоры, туеядцы, проводящие жизнь в неге и праздности! Неужели никогда не приходило вам на мысль, что завод, на котором мы работаем, есть собственность ваша, созданная трудами рук ваших, а между тем доходами и выгодами от него пользуется один только человек: вы же довольствуетесь грошевой подачкой, да и ту нередко выдают через два месяца в третий, и вы все это переносите терпеливо и молчаливо. Или уже вы настолько свыкнулись с вашим положением, что лучшего в жизни не желаете иметь, или уже чувства ваши настолько притупились, что лучшего, чем вы довольствуетесь, воспринимать не могут, и вы смотрите на все, как вас грабят, и живете, равнодушно махнувши рукой. Неужели наконец никому из вас не приходило в голову, что кулакам капиталистам должен настать конец эксплуататорству вашего труда и ожирения на ваш счет, так как капитал, кото-

*) О заводе Шипова см. Ев. Дюбюк. Из материалов по начальной истории костромского рабочего движения. Библиотека обществ. движений в России XIX и XX в.в. Изд. Костр. Научн. Об-ва, вып. 4-й.

**) См. также Прокопович. К библиографии стачечного движения в России.

рым они владеют, нажит грабежом вас, тружеников, и потому безусловно должен принадлежать вам.—Пусть *хозяин завода* пользуется на затраченный капитал 15—20%, с него и этого будет слишком много; *завод же* и все что в нем есть, должно принадлежать вам по праву собственности вашей, а с тем вместе и доходы, получаемые с него, за выдачу хозяину эксплуататору известного процента, должны быть разделены между вами поровну, равно и управление заводом, как вашей собственности, должно вырвать из рук эксплуататоров и взять в собственные руки. Долой эксплуататоров хозяев! Прочь директора и подобных ему мошенников! Будем сами распоряжаться нашим трудом“.

Подчеркнутые нами места в приведенном воззвании не оставляют сомнения, что воззвание это, обращенное к рабочим завода, писанное рукою Альтовского, ранее обучавшегося на Шиповском заводе слесарному ремеслу, именно и назначалось для рабочих этого завода. На последнее указывает также конкретная черточка, вплетенная в общие рассуждения прокламации. В воззвании подчеркивается, что нередко зарплату выдают через два месяца в третий. Так оно в действительности, как мы видели выше, в это время и было на Шиповском заводе, переживавшем тогда финансовый кризис. Более того: именно на почве затягивания расчета с рабочими среди последних существовало и проявилось в открытых формах известное брожение, и, повидимому, далеко не случайно прокламация так нарочито останавливалась на нередкой выдаче заработка рабочим через два месяца в третий. Возможно, что воззвание, найденное у Альтовского, было подлинным черновиком прокламации, выпущенной революционерами к рабочим завода Шипова перед августом 1878 г., если только таковое воззвание действительно выпускалось, а вероятнее всего—то был проект воззвания, составленный уже после августовских событий 1878 г. Волнения рабочих на заводе Шипова в августе 1878 г. не могли пройти незамеченными революционерами—и вот с их стороны ответ на эти события—воззвание к рабочим*).

Забастовка на Долматовской мануфактуре в 1879 г. В начале 1879 г. на фабрике б. Зубкова, преобразованной в этом году в т-во Долматовской мануфактуры бумажных изделий и принадлежавшей теперь Миндовскому и Кокореву**), забастовка повторилась. „Поводом послужили взыскания с рабочих долга по артели, вместе с тем рабочие заявили требование о прибавке. По обыкновению сообщили полиции—прибыл исправник. Когда бухгалтер объяснил рабочим основания вычета за долги артели, они согласились, что вычет правилен, но настаивали на прибавке. Тогда исправник предложил фабричному управлению рассчитать рабочих. Предложение это было исполнено, и, когда приступили к расчету, рабочие возобновили работу“***).

Забастовка эта сопровождалась репрессиями. Исправником было привлечено несколько рабочих к судебной ответственности; губернатор же предложил сослать трех зачинщиков. Повидимому, состоялось последнее, так как министр вн. дел

*) Подробнее об аресте Альтовского см. в уже цитированном очерке „Из материалов по начальной истории костромского рабочего движения“. Из этого же очерка видно, что к костромским рабочим, напр., на фабрику Зотова в 1877 г., попадал революционные издания вроде „Емельки Пугачева“ и рабочие их читали.

**) По данным Пирогова (Свед. о ф-х и з-х Костр. губ. за 1879 г.) в 1879 г. на самой этой фабрике, не считая рабочих на стороне, находилось 434 рабочих.

***) М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России ч. II. Киев. 1924 г. стр. 179.

указал на недопустимость привлечения к суду. Министр опирался при этом на конфиденциальный циркуляр от 6 июля 1870 г. всем губернаторам, разосланный после известной стачки на Невской бумагопрядильной фабрике в ПБурге, которым предлагалось губернаторам при первом получении известия о стачках рабочих, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными высылать их, не спрашивая предварительно на то разрешения министра вн. дел, в одну из следующих губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Костромскую, Новгородскую, Олонекскую и Симбирскую *).

Стачка на Долматовской мануфактуре в 1885 г. В 80-ые годы происходил целый ряд забастовок. По времени в эти годы первой должна быть отмечена забастовка на уже знакомой нам по забастовкам 1874 и 1879 гг. Долматовской м-ре Миндовского и Бакакина. 24 сентября 1885 г. в фабриках этой мануфактуры была вывешена новая расценка на период с 1 октября 1885 г. по Пасху 1886 г., по которой из заработанного рубля удерживалось с мастеров-ткачей 10, а с подмастерьев 20⁰/₁₀₀, т. е. более прошлого года на 10⁰/₁₀₀. Такое понижение расценки вызвало среди рабочих неудовольствие, и они, в количестве 263 ткачей, 30 сентября прекратили работы, требуя оставления старого расценки, причем некоторые бросали в фабрику камнями и выбили стекла. Забастовка окончилась 2 октября неудачей для рабочих: всем недовольным был выдан расчет, а виновные в беспорядках были привлечены к ответственности и по приговору мирового судьи 3-го участка Кинешемского у. 31 октября 1885 г. были приговорены к аресту—четыре зачинщиков на 1½ месяца, а 9 человек на 3 недели **).

Забастовка на фабрике Разоренова и Кормилицына в 1885 г. Однодневная забастовка произошла в с. Тезине Кинешемского у. на фабрике т-ва Разоренова и Кормилицына. 30 декабря 105 ткачей, „прекратив работы, заявили неудовольствие на то, что им еженедельно после каждого праздника приходится работать лишних 9 часов против женщин без всякого за это вознаграждения, и требовали равномерного распределения смен между женщинами и мужчинами“. Рабочим разъяснили, что лишние часы работ у ткачей против женщин были по случаю закона, воспреещающего женщинам ночные работы, и недоразумение было этим прекращено. „Рабочие вели себя благопристойно...., и так как беспорядков и нарушений закона ни со стороны рабочих, ни со стороны администрации фабрики не было, то дело было прекращено по постановлению товарища прокурора Кинешемско-Луховского участка от 13 января 1886 г.“ ***).

Волнения среди чесальщиков Зотовской фабрики в Костроме в 1887 г. 22 ноября 1887 г. происходили волнения ****) среди чесальщиков Зотовской фабрики в Костроме, вызванные сбавкой расценок на 10 коп. с пуда. „Около 300 чесальщиков толпою отправились к директору и потребовали, чтобы расценок не

*) Евг. Дюбок. Рабочее движение в Кинеш.—Юрвеевском Fabr. районе. Труд в России. 1925 кн. 1-я, стр. 35—36. См. также Ю. Гессен. К истории стачек среди Fabr. рабочих. Архив истории труда в России. Кн. 3-я.

**) Наряд пом. Fabr. инсп. Владим. округа (в Костр. губ.) за 1893 г.: сообщение кинешемского исправника Бардукова от 3 июля 1893 г. о фабричных беспорядках, бывших в Кинешме и уезде за время с 1883 г. по 1 июля 1893 г.

***) Там же.

****) Николай Селецкий квалифицирует эти волнения, как сильные.

сбавляли“, но потерпели поражение: „расценки были понижены, а „зачинщики“ этих беспорядков получили расчет *).

Забастовка на фабрике Дороднова в с. Яковлевском в 1888 г. 1888-й год обиловал забастовками. С 12 по 16 февраля этого года происходила маленькая забастовка на фабрике временного плеского купца Ал-ндра Вас. Дороднова в с. Яковлевском Нерехтского у. В забастовке участвовало 13 ткачей. Поводом „послужили штрафы, налагаемые за прогулы, между тем как по заявлению рабочих на других фабриках штрафы за прогулы не пишутся“. Так как ткачи приступили к работам по требованию полиции, то дело о стачке было по 309 ст. Устава Угол. Суд. прокурором Костр. Окр. суда прекращено. **)

Забастовка на фабрике Крымова в с. Яковлевском в 1888 г. В том же с. Яковлевском 18 мая 1888 г. возникла забастовка на фабрике плеского купца Евстафия Семенова Крымова. Бастовало 150 ткачей. Прекращена была забастовка 19 мая. „Поводом к беспорядкам послужило уменьшение платы на 10⁰/₀, что и возбудило рабочих прекратить работы... Дело это, на основ. 253 ст. Уст. Угол. Суд., товарищем прокурора Костр. окр. суда по Нерехтскому участку“ было прекращено по тому же основанию: рабочие приступили к работе по требованию полиции. ***)

Забастовка на фабрике Т-ва Разоренова и Кормилицына в с. Тезине в 1888 г. 23 мая 1888 г. произошла однодневная забастовка мотальщиков (число их неизвестно) на фабрике Т-ва Разоренова и Кормилицына в с. Тезине Кинешемского у., требовавших прибавки зар. платы в виду неудовлетворительного качества пряжи—„Рабочие добровольно отказались от своих требований и сами приступили к работам, почему дело, согласно 3 п. III ст. правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих производством прекращено по постановлению товарище прокурора Кинешемско-Луховского участка от 31 маа 1888 г.“ ****).

Забастовка на фабрике Разоренова в с. Тезине, в 1888 г. 17 июня 1888 г., вследствие общего недовольствия рабочих „на разные неправильности против них со стороны фабричной администрации“, возникла забастовка, продолжавшаяся один день на фабрике Никанора Алексеевича Разоренова (Т-ва Разоренова и Кормилицына) в с. Тезине. *****) Бастовало 135 ткачей, „из'явивших недовольствие и прекративших работы, потому что при дачке контора фабрики выдает (выдавала) только полные рубли, оставляя за собою копейки; что расчетные книжки хранятся (хранились) не у рабочих, а в конторе фабрики и в книжках не выставляются (не выставлялись) сорта сработанных товаров и платы за означенную работу... Администрация фабрики обязалась удовлетворить требования рабочих, причем желающим получить расчет выдали таковой того же числа. Беспорядков никаких

*) „Рабочее движение в Костроме“, стр. 4. По словам составителя этого очерка, „костромские рабочие еще слишком плохо сознавали в то время свои интересы и не умели дружно добиваться удовлетворения своих требований“.

**) Наряд пом. фин. инспектора Влад. окр. за 1893 г. Сообщение нерехтского уездного полицейского управления от 23 июля 1893 г. № 1125 о фабр. беспорядках в Нерехтском у. за время с 1888 г. по 1 июля 1893 г.

***) Там же.

****) Там же. Сообщение кинешемского исправника.

*****) Архив пом. нач-ка костр. губ. жанд. упр-ия в Кинеш. у. Журн. лх. и пех. бумаг за 1888 г.

не было, и дело прекращено было по постановлению прокурора Костромского окружного суда от 27 июня 1888 г. *).

Забастовка 1888 г. на фабрике в Сошниках. 30 июня 1888 г. на фабрике Ив. Ал-ндр. Миндовского в Сошниках при с-це Никольском, Угледской вол., Кинеш. у.; забастовали 55 ткачей, потребовавшие сверх условия уплаты 10 коп. за простой станков во время починки их. Забастовка окончилась в тот же день: хотя в требовании этом хозяином и не было отказано, но ткачи заявили желание получить расчет, и всем рабочим согласно их желанию таковой и был выдан. Претензий против рабочих владельцем заявлено не было, и дело было прекращено 2 июля 1888 г. по постановлению товарища прокурора Кинешемско-Луховского участка. **).

Забастовка на фабрике Т-ва Волжской м-ры П. Миндовского и И. Бакакина в с. Наволоках, Кинеш. у. в 1888 г. Забастовка эта началась 17-го, кончилась 22 сентября. Участвовало в ней 606 ткачей, заявивших претензию на высокий штраф, наложенный на них за прогул в августе и требовавших увеличения зар. платы: женщинам на 5% и мужчинам на 10%. В результате забастовки владельцы фабрики согласились уменьшить наложенный штраф на половину ***). В прекращении забастовки деятельное участие принимали жандармы, как об этом можно судить по сохранившимся кратким записям в журнале вход. и исход. бумаг за 1888 г. кинешемского жандармского офицера ****).

„Бунт“ 1889 г. на фабрике Разоренова и Кормилицына в с. Тезине. Крупные волнения рабочих произошли в апреле 1889 г. в с. Тезине на фабрике Разоренова и Кормилицына. В сообщении кинешемского исправника волнения эти описаны так. Начались беспорядки 24-го, кончились 28 апреля, „Участвовали 197 ткачей. На основании существующих правил 18 апреля 1889 г. после пасхи была вывешена новая расценка со скидкой 20% против существовавшей до пасхи расценки. После нескольких смен ткачи заявили претензию против расценки и, прекратив в то же время работу, требовали увеличить плату на 10%; при этом рабочие начали пьянство, произведя в с. Тезине пожар, которым причинены (были) жителям большие убытки. Для подавления беспорядков были вызваны 27 апреля из г. Костромы войска и выезжал г-н начальник губернии. Подстрекателей стачки оказалось 10 человек, которые по распоряжению начальника губернии были наказаны розгами и отосланы для водворения в места жительства. Остальные все приступили на фабрике к работам на предложенных условиях, чем и прекратились все беспорядки“ *****).

*) Наряд пом. ф. инсп. Влад. окр. за 1893 г. В нашей статье: „Раб. дв. в Кин.-Юрьев. районе“ (Труд в России. 1925 кн. 1-я, стр. 36) к описанной забастовке ошибочно отнесен „бунт“, закончившийся пожаром села Тезина, в действительности бывший в конце апреля 1889 г.

**) Наряд пом. ф. инсп. Влад. окр. за 1893 г. Сообщение кинеш. исправника.

***) Там же. Отметим, что сообщение кинеш. исправника ошибочно отнесло описанную забастовку к октябрю вместо сентября.

****) Так, 21 сентября нач-к костр. жанд. упр-ия телеграфировал своему помощнику в Кинешму об оказании кинешемскому помощнику содействия к водворению порядка на фабрике при с. Наволоках по случаю стачки. В ответ на это помощник 22 сентября послал донесение о действиях, исполненных по телеграмме к прекращению стачки. 24 сентября он же донес о возвращении на Наволок двух унтер-офицеров, которые временно там были оставлены, 2 октября к кинешемскому помощнику поступила от нач-ка управления копия письма костр. губернатора, отмечавшего, что на прекращение стачки рабочих на фабрике в Наволоках имело большое влияние прибытие туда кинешемского жандармского подполковника Коренева.

*****) Наряд пом. ф. инсп. Влад. окр. за 1893 г.

Очевидно, эту забастовку имеет в виду Вл. Миндовский, говоря: „самые условия работы на фабриках были таковы, что в результате их время от времени вспыхивали массовые выражения протеста. Один из таких протестов, стихийно разросшийся в грозный и тяжелый „бунт“ (в 1888 г.) (в 1889 г.?—ЕД), закончился пожаром большого фабричного села Тезина. Был вызван из Костромы батальон солдат, и „бунтовщики“ усмирены. Свыше ста человек рабочих подверглись жестокой экзекуции. Расправа эта чинилась публично среди села у церкви, при большом стечении народа“ *).

Повидимому, эту же экзекуцию над рабочими при подавлении бунта имеет в виду С. Гвоздев, рассказывающий об исправнике, который „за 2—3 года до введения фабричной инспекции в N-ской (Костромской—ЕД) губернии по распоряжению бывшего в то время губернатора с полным усердием выпорол рабочих бастовавшей фабрики и любил вспоминать об этом с особенным восторгом“ **).

Забастовка 1889 г. в с. Писцова, Нерехтского у. 7 июня 1889 г. на ткацкой фабрике нерехтских 1-й гильдии купцов под фирмою „А. Павлова сыновья“ в с. Писцове, Нерехтского у., прекратили работу 150 ткачей. Поводом к стачке послужило неудовлетворение Павловым рабочих дачкою ранее срока в виду ярмарки, бывшей 9 июня, и прибавки 2 коп. к 57 коп. на штуку миткала при перемене шестерни на два зуба плотнее. Забастовавшие приступили к работе 12 июня, и поэтому дело это согласно 309 ст. Уст. Угол. Суд. прокурором Костр. окр. суда было прекращено ***). Сохранилось описание этой забастовки, сделанное представителем названной фирмы Дм. Павловым в отношении к помощнику фабр. инспектора Влад. округа 15 июля 1889 г.: „7-го числа минувшего июня месяца—писал Павлов—в 10 час. утра по окончании работы женской смены мужская смена заявила, что не пойдет на работу; по опросу причины о нежелании работать они предъявили следующие требования: выдать дачку 8 июня и в пятницу 9-го того же июня праздновать по случаю ярмарки, бывающей в с. Писцове в этот день; когда же в этом требовании им было отказано и предложено идти на работу, они не послушались, вследствие чего нами было послано за полицией. На предложение станового пристава начать работу они отвечали полным отказом. По приезде же исправника они заявили ему, кроме вышеозначенных требований, еще требование об увеличении расценки. По требованию властей и с нашего на то согласия был выдан всем ткачам расчет 10 числа минувшего июня месяца. Особых же буйств никаких не было“ ****).

Забастовка на фабрике Миндовского в Юрьевце в 1890 г. 13 апреля 1890 г. возникла забастовка на льнопрядильной фабрике Миндовского в Юрьевце. 15-го апреля в Кинешме был получен рапорт жанд. унт-офицера Соколова о притеснениях рабочих на этой фабрике. Вслед затем поступило сообщение унт-оф. Кра-

*) Вл. Миндовский. Вичугская фабричная сторона. Труды Костр. Научн. Об-ва, вып. XIII, стр. 27. Отметим кстати, что еще 10 мая 1879 г., в с. Тезине было найдено письмо с угрозой, что на 29 июня Тезино будет выжжено (рапорт унт.-оф. Соколова во вход. журнале 1879 г. кинеш. жанд. архива). В ноябре 1888 г., пожар истребил фабрику бр. Разореновых. (Сообщение нач-ку костр. жанд. упр-ия от 11 ноября в журнале за 1888 г.).

**) С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора, М. 1911 г. Изд. С. Дорозатского и А. Чарушникова, стр. 23.

***) Наряд пом. ф. инсп. Влад. окр. за 1893 г. Сообщение нерехтского уездного помещ. управления.

****) Архив ф. инсп. Наряд по Костр. губ. 1889 г. 5 июля 1889 г. пом. нерехтского исправника препроводил пом. фабр. инсп. Влад. окр. дело на 18 листах об этой стачке, прося его по миновании надобности возвратить в полицейское управление. Очевидно, оно и было возвращено, так как в архиве фабр. инспектора его не оказалось.

сноцветова о том, что забастовка окончилась увольнением рабочих. Стачка эта продолжалась довольно долго: еще 25 апреля из Кинешмы было послано унт-оф. Соколову в Юрьевец предписание принять все меры к раз'яснению рабочим, что стачками они ничего не достигнут, а о притеснениях могут приносить жалобы, не прибегая к стачкам, которые подлежат преследованию по закону. 29 апреля Соколов отрапортовал, что им раз'яснена рабочим фабрики Миндовского преступность стачек, а в рапорте, полученном от него же 30 апреля, говорится, что к устранению беспорядков приняты уже надлежащие меры уездною полициею *).

Забастовка на фабрике Скворцова в с. Писцове в июле 1890 г. Сохранились три описания этой забастовки: 1) в отношении пристава 2-го стана Нерехтского у. Скворцова от 7 августа 1890 г. к помощнику фабр. инсп. Влад. окр., 2) в письме к нему же доверенного ткацкой фабрики Нерехтского 1-й гильдии купца Ив. Ив. Скворцова.—А. В. Свечникова от 10 авг. 1890 г. и 3) в сообщении нерехтского уездного полицейского управления (в наряде пом. фабр. инсп. Влад. окр. за 1893 г.). Из них последнее, как составленное три года спустя после забастовки (в 1893 г.), содержит в себе ошибочные данные **).

Началась забастовка в ночь с 25 на 26 июля; бастовали ткачи-мужчины. Сообщение нерехтского полицейского управления определяет число участников забастовки в 20 чел., но из ниже приводимой выдержки из письма Свечникова видно, что бастовало большее число рабочих. Поводом к забастовке, по полицейским сведениям, послужило чрезмерное и неравномерное наложение штрафов на рабочих за порчу товара. Одно из требований рабочих состояло в увольнении с фабрики приказчика миткалевой конторы Петра Михайлова Хонина. В результате забастовки были удалены с фабрики как приказчик Хонин, так и главные участники забастовки. С 4 августа по убеждению полиции рабочие возобновили работы, дознание же о прекращении работ было 2 августа передано нерехтскому судебному следователю, причем, по словам станowego пристава, было „выяснено, что на фабрике нет ответственного лица по заведыванию ею, кроме хозяина Скворцова, который постоянно живет в с. Середи, и что чрезмерные налагались штрафы неуполномоченным на то лицом, приказчиком Скворцова, мещанином г. Корсуни Петром Михайл. Хониным, который нынче уволен с фабрики хозяином“.

В письме Свечникова содержатся нелишенные интереса подробности забастовки. Забастовка—пишет он—„все время поддерживалась четырьмя зачинщиками—подстрекателями, прибегавшими к всевозможным уверениям в праве забастовки и требований и даже к запугиванию толпы. Причина с точностью не выяснилась. При начале забастовки ткачи объяснили г. становому приставу и администрации фабрики, что они потому не хотят работать, что им нужно видеть хозяина фабрики, и, не смотря на увещевания и уверения в незаконности стачки, упорствовали в своем требовании. По прибытии в тот же день г. нерехтского исправника и нижеподписавшегося пред'явили претензии за неправильное наложение вычетов за порчу товара; когда была доказана несправедливость их требования, пред'явили претензии против некоторых параграфов правил внутреннего распо-

*) Кинеш. жанд. архив. Журнал вх. и исх. бумаг за 1890 г.

**) Так, напр., начало забастовки ошибочно отнесено к 27 июля.

рядка фабрики; сделанные уступки не привели к соглашению. По прибытии 30 июля г.г. нерехтского уездного предводителя дворянства и земского участкового начальника кроме предыдущих претензий предъявлено было требование — уплатить за прогул во время забастовки; в правилах внутреннего распорядка вновь были сделаны изменения, но в требовании платы за прогул отказано, и, несмотря на увещевания и указания г. предводителя дворянства на незаконность стачки и требований, ткачи ответили отказом идти на работу; тогда предложено было получить всем расчет; но и от расчета отказались за исключением немногих. По прибытии 1-го августа г. хозяина фабрики к нему были предъявлены все вышеуказанные требования, на что он, подтвердив все сделанные уступки и отказав в плате за прогул, предложил идти на работу или получить всем расчет, но ткачи от того и другого отказались, требуя плату по 1 октября. В праве этого последнего требования успел уверить ткачей говоривший от толпы крестьянин Кинешемского у. Вичугской вол. дер. Яшина Виктор Алексеев Хотенов, сумевший дисциплинировать толпу до полного повиновения себе. 3-го августа, когда большая часть ткачей, получивших и не получивших расчет, разошлась по домам, оставшиеся в Писцове собрались пред фабрикой и потребовали нижеподписавшегося для переговоров, и когда последний подтвердил все сделанное для них, отказались от других требований и согласились идти на работу, но с условием дать обязательство не подвергать Хотенова законной ответственности за организацию стачки. В это время толпа разделилась надвое: большая часть пошла на работу, а другая — человек 20—25, с Хотеновым во главе, от работы отказалась. Несогласившиеся работать 4 августа полицейскими мерами были представлены в контору за расчетом, а затем высланы из Писцова“. Список этих рабочих, не пожелавших после стачки поступить на работу, в копии полицейского постановления был препровожден Свечниковым помощнику фабр. инспектора. В списке этом значились следующие рабочие: 1) Хотенов Виктор Алексеев, кр. Костр. губ., Кинешемского у., Вичугской в., д. Яшина. 2) Туркин Козьма Павлов, мещанин г. Шуи. 3) Савелов Моисей Петров, кр. Ковровского у., Лежневской вол., д. Полевина. 4) Ефимов Осип Тарасов, мещанин г. Шуи. 5) Гребенкин Павел Андр., Московской губ., Богородского у., Брянской слободы — запасный 13-го пехотного Белозерского полка — мещанин г. Богородска. 6) Кропотов Ал-ндр Егоров — запасный рядовой 99-го пехотного Дерптского полка из кр. д. Большого — Подвязова, Кохомской вол., Шуйского у. 7) Спицын Тимофей Ильин., кр. Шуйского у., Сергиевской вол., д. Орловки. 8) Дудкин Ал-ндр Степанов, кр. Шуйского у., Пуповской вол., д. Иванова. 9) Мартынов Федор Перфильев, кр. Шуйского у., Пуповской вол., д. Захарова. 10) Правещев, Степан Федор. кр. д. Якушевой, Шуйского у., 11) Блескин Ив. Вас., кр. д. Сельцы Вознесенской вол., Ковровского у. 12) Прокофьев Венедикт Федор., мещ. г. Шуи — запасный рядовой. 13) Галкин Федор Егоров, кр. д. Степирева, Дмитриевской вол., Нерехтского у. 14) Перлов Флегонт Вас., мещ г. Шуи. 15) Бычков Гавриил Сергеев, кр. Шуйского у., Якиманской в., д. Пестова. 16) Васильев Трофим Власов, мещ. г. Шуи. 17) Гадалов Никита Власов, кр. Шуйского у., Афанасьевской вол., д. Захарова. 18) Горячев Алексей Кеенофонович, кр. Шуйского у., с. Китова и 19) Солнцев Яким Ив., кр. д. Ще-

пина, Вознесенской вол., Ковровского у. *) Из приведенных в списке 19 рабочих 8 были крестьяне Шуйского у., 5—мещане г. Шуи, 1—мещ. г. Богородска, 3—крестьяне Ковровского у., 1—крестьянин Кинешемского у. и 1—кр. Нерехтского у. Так обр., почти все наиболее активные участники забастовки были из числа пришедших рабочих, и преимущественно из фабричных районов Владимирской губ.

Брожение среди рабочих фабрики т-ва Долматовской м-ры бумажных изделий близ Кинешмы в с. Долматове в сентябре 1890 г. „25 сентября, в 2 часа пополудни несколько ткачей, преимущественно мужчин, обратились к кандидату директора правления Т-ва Долматовской м-ры Ив. Ив. Миндовскому с просьбой прибавки 5 коп. на рубль против объявленных и вывешенных в корпусе 18 числа сего месяца цен за сдельную работу на срок с 1 октября по пасху 1891 г., т. е. прося оставить цены, существовавшие в летние месяцы без скидки, на что... им было объяснено, что объявленные цены для заработка совершенно достаточны и скидка 5 коп. с рубля против лета на зиму сделана обычная, как и в прежнее время делалось, и никакой прибавки от правления не может быть сделано, затем предложил идти на работу. Выслушав ответ, ткачи принялись за работу и выразили (заявили?!), уходя, что им опять придется придти в пятницу и переговорить“ **).

Забастовка на бумаго-прядельной фабрике бр. Ал-ндра и Федора Разоревых близ Кинешмы „на Ветке“ в мае 1891 г.

В донесении в жандармское управление от 23 мая жандармский ротмистр Порошин так описывает эту забастовку ***): „20 сего мая в 5 час. веч. 60 чел. из числа рабочих приготовительного отделения отказались продолжать работу. Всего рабочих на фабрике 800 чел. Причиной отказа рабочих названного отделения (банкоброшники и лентовщики) послужило следующее: по заведенному на фабрике порядку расценка задельной платы производится два раза в год, с пасхи и с 1 октября, причем летняя расценка бывала в прежнее время несколько выше зимней. В нынешнем году (с пасхи 1891 г.) новой (летней) расценки сделано не было и оставлена зимняя. Случилось же это так. С пасхи 1890 г. по 1 октября 1890 г. убавлена была зар. плата от 16 до 33%, в зависимости от сорта вырабатываемого товара. Тогда еще рабочие заявляли владельцам о недостаточности вознаграждения, и последние прибавили в течение названного периода времени 7%. При зимней расценке с 1 октября 1890 г. по 1 мая 1891 г. эти 7% вошли в нее. Таким образом, убавка зар. платы выражалась в 16—27%. На период с 1 мая 1891 г. по 1 октября 1891 г. осталась расценка периода с 1 октября 1890 г. по 1 мая 1891 г., т. е. зимняя, которую рабочие считают недостаточной. Поэтому они требуют, чтобы владельцы фабрики им прибавили на лето к зар. плате мужчин

*) В списке этом, подписанном приставом 2 стана Нерехтского уезда Соболевским и датированном 4 августа 1890 г., указано, что список препровожден в контору ткацкой фабрики Ив. Ив. Сквордова по распоряжению начальника губернии и личного приказа уездного исправника и что прием помещенных в нем рабочих на фабрику воспрещен впредь до распоряжения начальника губернии.

**) Наряд финис. по Костр. губ. за 1890 г.. Сообщение Ив. Ив. Миндовского от 25 сент. 1890 г. В дальнейшем среди рабочих Долматовской м-ры происходили какие-то волнения, сведения о которых не сохранились. Из кинеш. жанд. архива (письмо жанд. офицера из Кинешмы к Ив. Ив. Миндовскому от 15 октября) видно, что в связи с ликвидацией этих волнений унтер-офицеры Краснодвостов и Андрей Иванов получили в октябре 1890 г. по 3 р. наградных, назначенных администрацией Т-ва Долматовской м-ры. Всего от Миндовского было получено в награду четырем нижним чинам, принимавшим участие в восстановлении порядка на Долматовской м-ре 12 рублей.

***) Кинеш. жанд. арх., часть наблюд., дело 1891 г. № 9 „о происшествии“.

по 10⁰/₀, в виду их ночной работы, а женщин, как неработающих ночью—5⁰/₀, им дали обещание не убавлять зар. платы на будущую зиму, так как рабочие опасаются, что на зиму последует новая сбавка зар. платы. Владельцы фабрик не находят, однако, возможным исполнить то или другое требование рабочих. По объяснению Ал-ндра Разоренова поводом к уменьшению зар. платы до 33⁰/₀ послужило то обстоятельство, что после пожара фабрики, случившегося несколько лет тому назад, были поставлены новые машины. Пока производительная сила машин не была приведена в точную известность, плата оставалась прежняя. Но как только выяснилось, что новые машины гораздо сильнее прежних, то администрация фабрики не нашла возможным сохранить для рабочих прежнее вознаграждение. Огнositельно же требования рабочих дать обещание не сбавлять зар. платы в течение предстоящей зимы владельцы объяснили, что такого обещания они за-благовременно дать не могут, не зная, какое соответствие между спросом и предложениями на их товары будет существовать к тому времени. Сделать желаемую рабочими прибавку они также не находят возможным. Отказ этот был передан рабочим 21 сего мая земским начальником 2 уч. Кинеш. у., который тут же предложил им стать на работу, или взять расчет. На это рабочие отвечали, что ни того, ни другого они сделать теперь не желают, но предполагают получить расчет никак не ранее 3 суток. К забастовавшему отделению фабрики (в количестве 177 чел.) во время дневной смены, около часу пополудни, присоединились рабочие других отделений фабрики: ватерщики и прядильщики, которые и заявили земскому начальнику: первые—о недостатке зар. платы, а последние—претензию на то, что приходится работать в воскресенье и праздники с 5 час. дня. По установленному на фабрике этой порядку работы кончаются по субботам и накануне праздничных дней с 5 час. веч. и начинаются с 5 час. праздничного дня, тогда как на других фабриках кончаются и накануне праздников так же поздно, как и в будни. Когда земский начальник сказал, что претензии их разберет потом, и предложил отправиться на работу, то таковое требование они немедленно исполнили. Сегодня, когда земский начальник снова уговаривал рабочих, они предъявили требование получить расчет не только за все заработанное время, но и за две недели вперед, указывая, что они фабрику оставили не самовольно, а были выгнаны Ал-ндром Разореновым из конторы, когда вечером 20 мая приходили просить прибавки. Когда вслед за сим земский начальник предъявил требование сдать в контору расчетные книжки для сведения по ним счетов, сперва—через уполномоченных, а затем лично всем рабочим, то они отвечали, что сдадут эти книжки не ранее 3 суток, т. е. 23 мая в 5 час. веч. и что расчета с приплатою за 2 недели они все-таки добьются. Усматривая в сегодняшнем поступке рабочих признаки преступления, предусмотренные 1352 ст. Уложения о наказ., кинешемский уездный исправник составил акт для передачи судебному следователю 1 участка Кинешемского уезда. Однако под эту статью могут быть подведены далеко не все забастовавшие рабочие, а только получившие расчетные книжки, так как с этого только времени можно считать их заключившими с администрацией фабрики условия найма. Книжки эти стали выдаваться конторою лишь с 15 сего мая, и многие из рабочих их не получили. Пока нет никого основания полагать, чтобы означенная

стачка сделана была рабочими по наущению лиц, неблагонадежных в политическом отношении. В числе рабочих замечено несколько человек, которые особенно много говорят, почему можно думать, что вся толпа находится под их влиянием. Настоящий случай скорее всего является отражением последовавшей 6 сего мая на фабрике в с. Наволоках прибавки зар. платы рабочими, вызванной их просьбами. В настоящее время хотя фабрика и работает, но благодаря забастовке банкоброшников может проработать только несколько дней. Во все это время забастовавшие рабочие вели себя вполне пристойно и беспорядков никаких не произвели“.

Об окончании этой забастовки читаем в „Политическом обзоре за 1891 г.“:*) „Несмотря на увещания названного земского начальника, кинешемского уездного исправника и мои (ротмистра Порошина), как владельцы, так и рабочие твердо стояли на своем. Так продолжалось до 23 мая, когда прибыли на фабрику костромской губернатор (Т. С. Калачов) и начальник костромского губернского жандармского управления. Под влиянием сказанной губернатором речи и в виду данного владельцами фабрики обещания не убавлять зар. платы в течение зимы 1891—92 г. г. забастовавшие, кроме 3 человек, пожелавших получить расчет, тут же стали на работу“.**) Составитель „Обзора“ добавляет, что забастовщики „все время вели себя скромно..., а остальные рабочие продолжали работы, как обыкновенно“.

Таким образом, перед нами частичная забастовка, невышедшая за пределы отдельной фабрики. Тем не менее эта забастовка типична по условиям ее проявления и по обстоятельствам, ее сопровождавшим. Прежде всего характерна почва, на которой она возникает. В начальный период рабочего движения забастовки возникают, как естественная реакция рабочего класса на ухудшающиеся условия труда и жизни. Причиной забастовки в данном случае явилось нарушение обычных условий труда: на фабриках Кинешемского района летние (после пасхи) расценки повышались, что вызывалось частичным уходом рабочих в деревню на сельские работы: в этом году расценки повышены не были, а между тем на соседней фабрике в с. Наволоках зар. плата была повышена. Неравенство оплаты на соседних фабриках и нарушение сложившихся условий труда при переходе от зимнего сезона к летнему—вот на почве каких условий возникла описанная и возникали впоследствии многие из забастовок в Костромской губ.

Другая черта, бросающаяся в глаза при рассмотрении обстановки, при которой забастовка протекала, это—деятельное участие властей в прекращении конфликта. Очевидно, забастовка, и сама по себе, и по своей мирной форме, настолько представляла в те времена явление необычное, что вызывала к себе самое напряженное отношение со стороны власти имущих. В увещании рабочих принимают участие не только земский начальник, исправник и жандармский ротмистр, но специально для улажения конфликта приезжают из Костромы губернатор и началь-

*) Кинеш. жанд. архив 1891 г. № 32.

***) Таким образом, на лето было сохранена зимняя расценка. Расценка эта затем оставалась без изменения до октября 1892 года.

ник жандармского управления, при чем первый из них обращается к рабочим с речью *).

Забастовка на фабрике полотна и столового белья т. д. Василья Дороднова сыновья в с. Яковлевском, Нерехского у. в 1891 г.—По словам нерехтского исправника, собственно „на фабрике бр. Дородновых... никакой забастовки не было. Дородновы 16 сентября вывесили новую расценку на работу с 1 октября 1891 г. по пасху 1892 г., с убавкою процентов по разным сортам с 5 до 40%. Рабочие, прочитав, заявили, что по этой цене они не могут работать, но до окончания срока, т. е. до 1 октября отработают, что и было ими исполнено; затем Дородновы увеличили расценку по 26 сортам на 10%, и когда рабочим было объявлено, то они согласились на то и начали работу с 9 сего октября“ **). Иначе представляют дело сами фабриканты: забастовка была, и „причина забастовки была та, что срок найма кончился 1 октября, и с этого числа была понижена цена против существовавшей летом; обо всем этом было объявлено рабочим за 2 недели до срока. Рабочие держали себя в это время сдержанно и больших безобразий не было. Фабрика стояла без работ неделю. После этого по просьбе рабочих была сделана прибавка на 26 сортов в размере до 10%, а остальные цены остались без изменения, т. е. те, которые были назначены в расценке“ ***).

Забастовка на Ветке в сентябре 1892 г. В 1892 г. забастовка на бумагопрядильной фабрике бр. А. и Ф. Разореновых повторяется. В сообщении кинешемского исправника забастовка эта описана так: „начало 25 сентября, окончание 23 сентября 1892 г. Участвовало 847 прядильщиков, половинщиков, присучальщиков, ставельщиков, ватерщиков, чесальщиков, ленточников, банкоброшников, холстовщиков, тазовщиков, трепальщиков, сортировщиков, укладчиков, паковщиков и других рабочих. 19 сентября 1892 г. в коридорах фабрики на срок с 1 октября 1892 по пасху 1893 г. был вывешен новый расценки со скидкой 10% с зар. платы. Недовольные этим рабочие прекратили работу, требуя оставить старый расценки... Хозяин фабрики Федор Алексеевич Резоренов, по обоюдному согласию с рабочими, определил сбавку на зимнее время 5% вместо ранее объявленной 10%, и рабочие с понедельника 28 сентября в 5 ч. утра приступили к работам. Дело о сем по постановлению прокурора Костромского окр. суда от 2-го октября 1892 г. производство прекращено“ ****).

Более подробные сведения находим в Кинешемском жандармском архиве *****). По этому источнику, поводом к забастовке послужило понижение расценки. 19 сентября администрация фабрики вывесила новую, на время с 1 октября 1892 по

*) Власти очень беспокоились, не является ли описанная забастовка следствием агитации извне. Еще 21 мая начальник Костромского жанд. управления секретно запрашивал ротмистра Порошина: „не было ли в данном случае стороннего подстрекательства и кто изобличается в том“. Но такового, очевидно, не было: Порошин 22 мая отвечал шифрованной телеграммой, что „сторонних подстрекателей пока не выяснено“. По делу о стачке было проведено дознание кинешемским исправником Бардуковым, совместно с земским начальником, и 22 мая было передано судебному следователю 1 участка Кинешемского у. (Архив ф. инсп. Костр. губ. 1891 г., сообщ. кинешемск. исправника от 22 мая 1891 г.).

**) Архив ст. ф. инсп. Костр. губ. 1891 г., сообщением нерехтского исправника от 18 октября 1891 г.

***) Там же, сообщ. ф-ки т. д. Вас. Дороднова сыновья от 21 октября 1891 г.

****) Нряд пом. ф. инсп. Влад. округа за 1893 г. Сообщ. кинеш. исправника.

*****) В дальнейшем описании забастовки сделано по „Политич. обзор за 1892 г.“, составленному ротмистром Порошиным (Кинешемск. жанд. арх. 1893 г. № 8) и по делу № 2 „О происшествиях“ того же архива. В кавычки взяты, где не оговорено особо, выдержка из „Политич. обзора“.

пасху 1893 г. расценку, пониженную на 10⁰/₀ сравнительно с летней. Находя новые расценки для себя невыгодными, рабочие в 9 час. веч. 25 сентября заявили директору директору фабрики Хлебникову о нежелании работать по об'явленной цене. Директор, считая отказ рабочих преждевременным (по условию рабочие были обязаны работать до 1 октября), обратился за содействием к исправнику и земскому начальнику. Но „убеждения выезжавших на фабрику 26 и 27 сентября кинешемского уездного исправника и земского начальника 2 участка Кинешемского у. на рабочих надлежащего действия не произвели *). Забастовавшие рабочие в числе 700 чел., получающих задельную плату (всех рабочих на фабрике 1000 чел.) **) твердили одно, что они не желают работать и брать расчета не хотят“. Земский начальник, будучи на фабрике, произвел сличение заработных плат на фабрике Ветка и на бумагопрядильной фабрике Томна, лежащей на Волге ниже Кинешмы. В результате сличения „оказалось, что на Ветке рабочие некоторых отделений получают больше, чем на фабрике Томна. Со сбавкою же 10⁰/₀ зар. плата их выходила много ниже. В случае же сбавки только 5⁰/₀ разнища эта почти сглаживается. Между тем, на фабрику прибыл (27 сентября) один из владельцев ее, Федор Алексеевич Разоренов. Означенное обстоятельство было указано названному владельцу. Переговоры его с рабочими привели к взаимному между ними соглашению на условии, что с 1 октября владелец сбавит не 10⁰/₀, а только 5⁰/₀ с зар. платы. Тогда рабочие заявили, что с утра 28 сентября они станут на работу“ ***). 28 сентября с 5 час. утра работы на фабрике возобновились. В общем итоге, как доносил ротмистр Порошин, „прогула рабочих было только 8 часов, так как рабочие отказались продолжать работу с 9 час. вечера 25 сентября, тогда как таковую, по случаю праздничного дня, следовало окончить в 5 час. утра 26 сентября“ ****). По мнению жандармов в возникновении забастовки отчасти был виноват директор фабрики Хлебников: „Прежде решительного отказа рабочие два раза заявляли ему о нежелании работать при новой расценке, но он не придал никакого значения их заявлению и прогнал от себя. Вообще рабочие (были) недовольны директором Хлебниковым за его суровую манеру разговаривать с ними“ *****).

Как это практиковалось и раньше, тотчас же по получении известия о забастовке на Ветку были командированы жандармы и представители общей полиции. „Получив 26 сентября сведения о недоразумениях на фабрике Ветка — писал Порошин — сначала от поведомственного мне унтер-офицера Муравкина, а затем сообщение кинешемского уездного исправника от того же числа за № 1540, немедленно командировал для разведки вахмистра Забегалова. 27 сентября ездил лично по приглашению земского начальника 2 уч. Кинеш. у. и кинешемского уездного исправника, просивших оказать им содействие по восстановлению порядка. Так бывало при моем предместнике. Активного участия в убеждении рабочих принять не удалось. 27 и 28 сентября (до половины дня) на фабрике находился

*) Согласно полученной от губернатора телеграмме, исправник и земский начальник уговаривали рабочих продолжать работу до окончания срока найма, т. е. до 1 октября.

**) Не бастовали получающие месячную плату.

***) Донесение Порошина от 27 сентября.

****) Донесение его же от 28 сентября.

*****) То же донесение.

безотлучно один из подведомственных мне унтер-офицеров, коим вменено было в обязанность выяснить, не подготовлялось ли недоразумение рядом сходок*), не участвуют ли в том какие-либо подозрительные лица. Главным образом имел в виду близость усадьбы Пазухина (от фабрики версты три), где проживают обвиняемые по делу Сабунаева Вас. Пазухин и Вас. Тихорский. Однако участия их, равно и кого-либо другого в подготовке недоразумения не выяснено. Имея в виду могущее возникнуть осложнение, вызвал по телеграфу унтер-офицеров Егора Красноцветова и Андрея Иванова. В продолжение всего периода недоразумения на фабрике находился пристав 1 стана Кинеш. у. при трех конно-полицейских урядниках“.

Как и в 1891 г., забастовка носила строго оборонительный характер и возникла на почве неравенства условий труда на соседних фабриках. „Винновыми в возникновении описанного недоразумения—говорится в „Обзоре“—по справедливости следует считать не рабочих, а владельцев фабрики, так как понижение зар. платы на 10% обуславливалось не комерческим расчетом, а исключительно их личным взглядом. Основательность такого предположения вполне подтверждается: а) прибавкою 5%, сделанною фабрикантом, и б) существующими на соседней фабрике Томна, также бумаго-прядельной и находящейся в одинаковых условиях, заработными ценами, при которых рабочие некоторых отделений получали больше. Таким образом, при сбавке с зарплаты 10%, на Ветке она выходила много ниже, чем на Томне: прибавление же 5% к сбавленным 10% разницу эту почти сглаживало. На будущее время—как полагал составитель „Обзора“—, возникновение подобных недоразумений легко устранилось бы солидарностью фабрикантов в установлении зар. платы при одинаковых условиях производства**).

Забастовка на фабрике Горбуновых в с-це Киселеве Нерехтского у. в 1893 г. В мае 1893 г. возникла забастовка на фабрике т-ва бумаго-ткацкой м-ры бр. Г. и А. Горбуновых в с-це Киселево (в Середе). По поводу этой забастовки директор ц-ва Грив. Горбунов писал 2 июня 1893 г. помощнику фабр. инсп. Влад. округа М. А. Виноградову: „Прядильщики на мяжах в 10 час. утра понедельника 31 мая, согласившись между собою, не пошли на работу, заявив при этом следующие претензии: 1) приготовить (приготовлять!?) кипяченую воду для чая в 6 час. утра вместо 8, как у нас было, 2) ввести надзор за баней, где они заметили один раз недостаток в холодной воде, 3) приход на фабрику на работу сделать за 20 минут до смены вместо того, как у нас существует, со 2 свистка, т. е. за 15 минут до смены, 4) недовольство табельщиками и, наконец, 5) прибавить 10% на заработанный рубль. Остановка продолжалась сутки, т. е. до 10 час. утра другого дня. Работа начата вновь только потому, что нами обещано исполнить их желание. Все это происходило в присутствии судебного сле-

*) Жандармы особенно интересовались, происходили ли среди рабочих сходки. Нач-к Костр. жанд. упр-ния генерал Никольский 26 сентября послал Порошину зашифрованную телеграмму: „Была ли сходка, какие приняты меры, какое ваше участие и число рабочих“. Набранное разрядкою было зашифровано. 27 сентября Порошин ответил: „Была ли сходка—не выяснено“.

**) „Обзор“ снова отмечает корректное поведение рабочих во время стачки: „Рабочие вели себя вполне благопристойно и беспорядков не произвели; хотя такие недоразумения и нежелательны, но следует порадоваться, что таковое произошло не во время разгара холерной эпидемии, когда мысли простого народа были более или менее возбуждены нелепыми рассказами про Астрахань и Саратов, где доктора морят народ, укладывая живых в гроба и заливая известью, отравляют воду и т. п. В то время оно легко могло развиться в ряд беспорядков среди народной массы“.

дователя г-на В. М. Калачова“. С 1 июня мюльщикам на мюлях было прибавлено 16⁰/₁₀₀ *).

Повидимому, других забастовок в 1893 г. в Костромской губ. не было **). Не было их и в 1894 и 95 годах ***). „Хотя и были случаи — писал кинешемский жандармский ротмистр, в ведении которого находились Кинешемский и Юрьевецкий уезды, в „Обзоре за 1894 г.“ — что вследствие понижения зарплаты рабочие выражали неудовольствие“, но до забастовок дело не доходило: „некоторые при этом получали расчет, а большинство продолжало работать“. Вообще в эти годы настроение рабочих было спокойным и не предвещало волнений.

Выводы. Таковы первые забастовки в Костромской губ. в пореформенную эпоху. Всего по нашим сведениям за время с 1873 по 1895 г. включительно забастовки были на 23 заведениях, а именно:

в 1873 г. на 2 завед.	1887 г. . . . 1	1892 г. . . . 1	
„ 1874 „ „ 1 „	1888 „ . . . 6	1893 г. . . . 1	
„ 1878 „ „ 1 „	1889 „ . . . 2	Всего в 70-тые г.г. (1873-79) — 5	
„ 1879 „ „ 1 „	1890 „ . . . 3	„ 80-тые г.г. (1880-89) — 11	
„ 1885 „ „ 2 „	1891 „ . . . 2	в начале 90-х (1890-95) — 7	
		Итого 23	

В 1875, 76, 80-84, 86, 94 и 95 г.г. наши данные забастовок не отмечают.

Определенно заметно увеличение числа стачек из десятилетия в десятилетие: в 70-ые годы их было только 5, в 80-ые уже 11, а в половине следующего десятилетия 7. Большая часть забастовок происходила в период 1885—91 г.г. Из 23 бастовавших за все время заведений 16 (70⁰/₁₀₀) приходится на указанный период. По числу забастовок особенно выделился 1888 год, для которого отмечено 6 забастовок.

Установить точно суммарное число бастовавших рабочих не представляется возможным, потому что не для всех забастовок оно указано. В волнениях 1873 и 78 г.г. в Костроме принимало участие, вероятно, по несколько сот рабочих. В 1885 г. бастовало 363 чел., в 1887 г. — 300, в 1888 г. на 5 заведениях — 964, в 1889 г. — 347; с 1891 г., вероятно, около 1000 чел., в 1892 г. — 847. В общей сложности за все время с 1873 по 1895 г. бастовало, вероятно, свыше 6 тыс. человек.

По числу участников забастовки были различны. В 1888 г. на фабрике Дороднова в с. Яковлевском бастовало только 13 ткачей, но это была самая маленькая из всех забастовок. Обычно число участников составляло несколько сот человек. В 11 забастовках, число участников которых известно, участвовало 2826 рабочих или на 1 забастовку в среднем падает 257 чел. Наиболее крупными (по числу участников) были следующие забастовки: на фабрике т-ва Волжской мануфактуры в Наволоках в 1888 г. и на бумаго-прядаильне Разоренова на Ветке в 1891 и 92 г.г.; в 1891 г. здесь бастовала вся фабрика (вероятно, до тысячи рабочих), а в 1892 г. — 847 чел. из 1000 всех.

Длительность забастовок вообще была невелика. Обычно забастовки про-

*) Наряд пом. ф. инсп. Влад. окр. за 1893 г.

**) Кинеш. жанд. арх. дело № 32. 1891 г. Сообщения Костр. городского полиц. управления от 11 авг. 1893 г. и юрьевского исправника от 31 авг. 1893 г.

***) Кинеш. жанд. арх., дело 1894 г. № 2 и 1895 г. № 7.

должались несколько дней, 1—5 дней. О продолжительности забастовок есть сведения по 19 фабрикам, в т. ч. на 8 забастовка продолжалась 1 день, на 2—2 дня, на 2—3 дня, на 3—4 дня, на 2—5 дней, на 1—8 дней и на 1—9 дней. Наибольшим упорством отличалась забастовка 1890 г. на фабрике Скворцова в с. Писцове, где, видимо, в процессе стачки создалась среди рабочих руководящая стачечная организация. Продолжительна была также стачка на фабрике Дороднова в с. Яковлевском в 1891 г., где рабочие взяли расчет, а затем в течение 8 дней не шли работать на фабрику.

В подавляющем большинстве в рабочем движении участвовали текстильщики, что вполне гармонирует с преобладанием именно этой (текстильной) отрасли в общем составе промышленности Костромской губ. Помимо текстильщиков должно быть отмечено участие в движении рабочих механического завода Шипова.

Наибольшее число забастовок приходилось на Кинешемский уезд, где как раз сосредоточивалась в этот период хлопчато-бумажная промышленность (Долматово—4 забастовки, с. Тезино—4, Сошники—1, Наволоки—1, Ветка 2, всего 12 забастовок), затем по числу забастовок следует Нерехтский уезд (с. Яковлевское—3, Писцово—2, Киселево—1, всего 6). Остальные забастовки были в Костроме (4) и Юрьевце (1).

На некоторых фабриках бывали за описываемый период повторные забастовки. Особенно в этом отношении выделяется Долматовская фабрика, где забастовки происходили: в 1874 г. (возможно и в 1875 г.), в 1879, в 1885 и 1890 г.г. В Тезине забастовки были в 1885, 1888 (две) и 1889 г.г.

Большая часть забастовок по времени своего возникновения приходилась на весну и осень. Было забастовок: в январе 2, феврале 1, апреле 2, мае 4, июне 4, августе 1, сентябре 6, ноябре 1 и декабре 1; весной было 6 забастовок, осенью 7.

В большинстве случаев забастовки носили оборонительный характер и возникали на почве понижения расценок. Таковы забастовка на Долматовской фабрике в сентябре 1885 г., волнения чесальщиков на Зотовской фабрике в Костроме в 1887 г., забастовка на фабрике Крымова в с. Яковлевском в 1888 г., на Разореновской в феврале, в Тезине в апреле 1889 г., снова на Долматовской фабрике в сентябре 1890 г., на фабрике Разоренова на Ветке, в мае 1891 г., на фабрике Дороднова в с. Яковлевском в сентябре 1891 г., на упомянутой фабрике Разоренова на Ветке в сентябре 1892 г. Чрезвычайно характерно, что забастовки этого рода падают на те именно осенние и весенние месяцы, когда совершался переход от одних сезонных расценок к другим, от летних к зимним и наоборот, от зимних к летним.

Оборонительный же характер носит, несомненно, и ряд других забастовок, например, на фабрике Михина в Костроме в 1873 т. (отстаивание празднования Нового года), на заводе Шипова в 1878 г. (требование выдачи заработной платы), а также ряд стачек, вызванных чрезмерным штрафованием рабочих. Очень характерно для начального периода рабочего движения то, что во время забастовок вопрос о сокращении рабочего дня еще рабочими не поднимается, тогда как заработной платой, ее уравниванием рабочие интересуются очень сильно. Из 23 забастовок в 14 речь шла именно о заработной платы.

При неорганизованности рабочих во многих случаях забастовки кончались для рабочих неудачно. По нашим материалам можно отметить 12 забастовок с неудачным исходом для рабочих, 4 кончились частным удовлетворением требований рабочих (на фабриках: в Наволоках в 1888 г., Разоренова на Ветке и Дорднова в с. Яковлевском в 1891 г. и того же Разоренова на Ветке в 1892 г.) и 4 успешно для рабочих (на фабриках Михина в 1873 г., Разоренова в Тезине в 1888 г., Скворцова в Писцове в 1890 г. и Горбунова в с-це Киселеве в 1893 г.). Между прочим, на фабрике Скворцова рабочим удалось добиться увольнения прикащика, донимавшего рабочих штрафами.

Вообще для большинства забастовок характерно отсутствие среди рабочих хотя бы элементарной организации. Забастовки возникают стихийно под влиянием накопившегося недовольства, иногда, что подчеркивает еще больше элемент стихии, сопровождаясь некоторыми эксцессами (разгром фабричной сторожки на Михинской фабрике в 1873 г., битье стекол на Долматовской фабрике в 1885 г., бунт в Тезине в 1889 г.). Впрочем, большинство забастовок протекает спокойно.

Если вообще стачки возникали и протекали при отсутствии какой-либо организации среди рабочих, то все-же в отдельных забастовках, вероятно, в самом процессе их развития слагается нечто в роде примитивной стачечной организации, пытающейся руководить движением. Так было, напр., на фабрике Скворцова в с. Писцове, где во главе забастовки стояла группа рабочих в 20—25 человек, большую часть пришедших рабочих из фабричных уездов Владимирской губ. и имевшая своего руководителя в лице рабочего Хотенова. Но это лишь отдельный штрих, в общем и целом неменяющий общей картины.

Не наблюдается также связи между забастовками. Повидимому, в большинстве забастовки возникают изолированно, мало влияя одна на другую. Установить, напр., конкретно влияние, положим, стачек в Костроме на Кинешемский или Нерехтский районы не приходится. Местности эти — при отсутствии организационной связи — были просто географически достаточно отделены друг от друга, чтобы взаимно одна на другую влиять в указанном направлении.

Если это влияние и имело место, то лишь внутри отдельных компактных фабричных районов. Так, забастовка Михинских рабочих в 1873 г. в Костроме находит отклик и поддержку среди расположенного поблизости завода Шипова. Точно также прибавка платы на фабрике в Наволоке служит толчком к забастовке рабочих на Ветке в 1891 г.

О влиянии на рабочее движение Костромской губ. соседних районов также много говорить не приходится. В Ярославской губ. рабочее движение само по себе было слабо, да и Ярославль лежит в стороне от губернии. Теснее могла быть связь некоторых частей Костромской губ. (Кинешемского и Нерехтского уездов) с Шуйско-Ивановским фабричным районом. Сюда легче могли проникать в среду рабочих сведения о стачках в Иванове и Шуе, где, как известно, в 80 и 90-х г.г. происходило весьма интенсивное стачечное движение, но непосредственная связь, хотя бы в форме обмена рабочими между Кинешемским и Ивановским районами, была, вероятно, не велика. В Кинешемском уезде работали почти исключительно местные рабочие.

Возникая самопроизвольно на почве экономических отношений забастовки изучаемого периода не были связаны и с тогдашним революционным движением. Правда, кое-где в губернии наблюдаются, преимущественно в 90-е годы, попытки революционной пропаганды среди рабочих, как об этом свидетельствуют некоторые политические дела, возбужденные жандармерией, но все подобные попытки касались пока еще лишь отдельных представителей рабочего класса, не затрагивая всей его массы. Едва ли не единственной попыткой воздействовать на массы была прокламация к рабочим Шиповского завода, найденная у Альтовского, текст которой мы приводили выше. Сами жандармы усиленно искали связей рабочих с революционными кругами, в частности с сабунаевцами (напр., при забастовках на Ветке и в с. Яковлевском в 1892 и 1891 г.), но безуспешно, что и вынуждены были констатировать.

„Считать описанную забастовку (в мае 1891 г. на Ветке)—писал составитель жандармского „Обзора“ за 1891 г. — следствием подстрекательства злонамеренных лиц нет оснований по причине благонамеренного состава рабочего элемента. Большинство их на фабриках вверенного мне района—крестьяне окрестных деревень люди, несклонные к беспорядкам“ *). Для последующего периода эта характеристика рабочего класса, как несклонного к беспорядкам, однако, утратила уже свою справедливость.



*) Кинешемск. жандармск. архив 1891 г., № 32. Политический обзор за 1891 г.



БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

№
.....





6922

